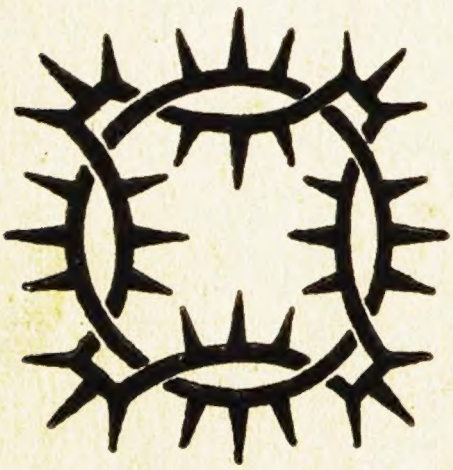
ДѢЛО Б. КОВЕРДЫ

ІЮНЬ 1927



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОЗРОЖДЕНІЕ" 2, RUE DE SÈZE, PARIS

БОРИСЪ КОВЕРДА

Снимокъ сдѣланъ въ Варшавѣ, въ зданіи суда въ день процесса 15-го іюня 1927 г.

Е40 — 1343

УБИЙСТВО ВОЙКОВА

и

ДѢЛО БОРИСА КОВЕРДЫ

Перевелъ съ польскаго и дополнилъ W.

ЗАПИСАНА В ИНВЕНТАР
БИБЛИОТЕКИ „ЗЕМГОР"
под № 16904
26/III 1925

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ" — „LA RENAISSANCE"
2, rue de Sèze, Paris (9).

ГОСУД. ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 22611 1967

«Они осудивъ меня, хотѣли освободить, потому что нѣтъ во мнѣ никакой вины, достойной смерти.»

(*Дѣянія Апостоловъ, XXVIII, 18*).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основу настоящаго изданія мною положена изданная въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ Союзомъ Юристовъ съ Восточныхъ Окраинъ Польши брошюра о процессѣ Бориса Коверды въ варшавскомъ чрезвычайномъ судѣ. Съ любезнаго согласія издателей этой брошюры, я перевелъ ее полностью на русскій языкъ. Однако, для русскаго читателя, интересующагося подробностями убійства Войкова и дѣла Коверды, ея содержаніе не можетъ быть признано достаточнымъ. Поэтому я дополнилъ его нѣкоторыми подробностями, относящимися какъ съ самому ходу процесса, показаніямъ свидѣтелей, заявленіямъ самого Бориса Коверды въ судѣ, такъ, особенно, къ той обстановкѣ, въ которой этотъ процессъ протекалъ и въ которой произошло убійство Войкова. Съ этой цѣлью я пользовался собственными записями, сдѣланными во время процесса въ залѣ суда, и личными впечатлѣніями, вынесенными въ день убійства Войкова и въ день процесса Коверды. Необходимость считаться съ размѣромъ настоящаго изданія помѣшала мнѣ дополнить его рядомъ другихъ подробностей, относящихся, главнымъ образомъ, къ тѣмъ политическимъ событіямъ, которыя были вызваны убійствомъ Войкова. Такимъ образомъ, оцѣнка этого

событія не входила въ мою задачу. Текстъ рѣчей обвинителя и защитниковъ въ процессѣ Ковердьі данъ мною въ точномъ переводѣ съ авторизованнаго польскаго текста.

С. В.

Варшава, 15 іюля 1927 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ О ПРЕДАНІИ БОРИСА КОВЕРДЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ СУДУ, ВЪ КАЧЕСТВѢ ОБВИНЯЕМАГО ПО СТАТЬѢ 453 УГОЛ. КОД.

7-го іюня 1927 года, въ 9 час. утра, посланникъ СССР Петръ Войковъ, въ сопровожденіи сотрудника посольства Юрія Григоровича, прибылъ на главный вокзалъ для встрѣчи возвращавшагося изъ Лондона черезъ Берлинъ полномочнаго представителя правительства СССР въ Лондонѣ Аркадія Розенгольца. Встрѣтившись съ Розенгольцемъ, посланникъ Войковъ отправился съ нимъ пить кофе въ желѣзнодорожный буфетъ, а затѣмъ оба вышли на перронъ къ скорому поѣзду, отходящему изъ Варшавы въ 9 час. 55 мин.; этимъ поѣздомъ Розенгольцъ долженъ былъ выѣхать въ Москву. Въ тотъ моментъ, когда посланникъ Войковъ съ Розенгольцемъ находился около спальнаго вагона этого поѣзда, раздался револьверный выстрѣлъ, направленный въ посланника Войкова. Стрѣлялъ неизвѣстный мужчина. Войковъ отскочилъ, бросился бѣжать; нападающій стрѣлялъ ему вслѣдъ, въ отвѣтъ на что Войковъ вынулъ изъ кармана револьверъ, обернулся и нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ нападавшаго, затѣмъ сталъ падать и упалъ на руки подбѣжавшаго полицейскаго околодочнаго Ясинскаго. Нападавшій, увидѣвъ приближавшуюся полицію, по требованію которой онъ поднялъ руки вверхъ и бросилъ револьверъ на землю, отдался добровольно въ руки

полиціи, заявляя, что онъ — Борисъ Коверда и что стрѣлялъ, желая убить Войкова въ качествѣ посланника СССР, дабы отомстить за Россію, за милліоны людей. Посланникъ Войковъ, по оказанію ему первой медицинской помощи на вокзалѣ, былъ перевезенъ въ госпиталь Младенца Іисуса, гдѣ въ 10 час. 40 мин. того же дня скончался.

Произведенное въ тотъ же день профессоромъ Варшавскаго университета Гряиво-Домбровскимъ вскрытіе трупа показало, что Войковъ получилъ двѣ огнестрѣльныя раны: одну—въ область грудной клѣтки, по лѣвой сторонѣ, другую — въ область мягкихъ тканей праваго плеча. Экспертъ проф. Гряиво-Домбровскій призналъ, что раненіе грудной клѣтки было соединено съ раненіемъ лѣваго легкаго и что рана эта безусловно смертельна, ибо ею было вызвано внутреннее кровоизліяніе въ область легкихъ въ количествѣ 3.600 куб. сант.

Стрѣлявшимъ въ посланника Войкова оказался Борисъ Коверда, 19 лѣтъ, ученикъ гимназіи Русскаго Общества въ Вильнѣ, который, будучи допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго, призналъ себя виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ посланника Войкова и заявилъ, что, будучи противникомъ существующаго въ Россіи политическаго и соціальнаго строя и стремясь къ выѣзду въ Россію, дабы тамъ принять активное участіе въ борьбѣ противъ этого строя, онъ прибылъ въ Варшаву съ цѣлью полученія разрѣшенія представительства СССР на безплатный въѣздъ въ Россію, а когда ему было въ этомъ отказано, рѣшилъ убить посланника Войкова какъ представителя власти СССР. Коверда при этомъ сказалъ, что съ посланникомъ Войковымъ онъ никогда не разговаривалъ, никакихъ претензій къ нему не имѣлъ, ни къ какой политической организаціи не принадлежалъ и свой поступокъ совершилъ са-

мостоятельно, безъ чьего либо уговора или соучастія.

На основаніи вышеуказанныхъ данныхъ житель г. Вильны Борисъ Коверда, 19 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что:

7-го іюня 1927 г., въ Варшавѣ на главномъ вокзалѣ, намѣреваясь лишить жизни посланника СССР въ Польшѣ Петра Войкова, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера шестикратно и смертельно ранилъ его въ область грудной клѣтки, по лѣвой сторонѣ, что вызвало внутреннее кровоизліяніе въ область легкихъ и смерть Войкова, причемъ поступокъ этотъ былъ совершенъ по поводу исполненія Петромъ Войковымъ его офиціальныхъ обязанностей полномочнаго посланника СССР въ Польшѣ, аккредитованнаго при президентѣ Рѣчи Посполитой.

Преступленіе это предусмотрѣно статьей 453 Уг. Код. и на основаніи ст. 208 Уст. Уг. Судопр. и ст. ст. 1, 4, 10, 12 закона о чрезвычайныхъ судахъ отъ 30 іюня 1919 г. съ дополненіями отъ 25 февраля 1921 г. и п. I Распоряженія Совѣта Министровъ отъ 28 декабря 1926 г. дѣло подлежитъ разсмотрѣнію Чрезвычайнаго Суда въ Варшавѣ.

Варшава, 11 іюня 1927 г.

(Подписалъ)

Прокуроръ Свіонтковскій.

Таковъ текстъ Обвинительнаго Акта, въ которомъ изложены всѣ извѣстныя данныя объ обстоятельствахъ убійства Войкова и которое рѣшило вопросъ о преданіи Бориса Коверды чрезвычайному суду и, слѣдовательно, о выпавшемъ на

его долю суровомъ приговорѣ. Текстъ этотъ необходимо, однако, дополнить нѣкоторыми подробностями, которымъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не нашлось мѣста въ офиціальномъ документѣ.

Автору этихъ строкъ удалось увидѣть Коверду черезъ 15 минутъ послѣ совершеннаго имъ покушенія, въ моментъ перваго допроса въ помѣщеніи полицейскаго участка на главномъ варшавскомъ вокзалѣ. Несмотря на только что пережитое, несомнѣнно, большое волненіе, Коверда былъ совершенно спокоенъ, лишь слегка блѣденъ, и твердымъ голосомъ отвѣчалъ на задаваемые ему вопросы. Когда одно изъ лицъ, присутствовавшихъ при допросѣ, спросило его: «Зачѣмъ вы это сдѣлали?», Коверда отвѣтилъ:

— Я за національную Россію и противъ интернаціонала...

Во время перваго допроса былъ произведенъ личный обыскъ Коверды. На немъ были найдены: лишь послѣдній номеръ польской газеты, платокъ и нѣсколько мелкихъ вещей. Денегъ при немъ не было совершенно. Въ первый моментъ вещи эти были положены на столѣ въ полицейской канцеляріи, рядомъ съ окровавленнымъ воротничкомъ Войкова. Постепенно для допроса Коверды на вокзалъ съѣхались всѣ представители высшей судебной, полицейской и административной власти; допросъ продолжался нѣсколько часовъ; послѣ него Коверда былъ перевезенъ въ закрытомъ автомобилѣ, подъ усиленнымъ полицейскимъ конвоемъ,

въ варшавскую слѣдственную тюрьму, т. н. «Павякъ».

Данныя обвинительнаго заключенія о намѣреніи Коверды поѣхать для активной борьбы въ Россію совершенно соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Варшавское полпредство отказало Ковердѣ въ визѣ въ Россію, и это рѣшило судьбу Войкова. Въ Варшаву Коверда пріѣхалъ изъ Вильны, гдѣ постоянно жилъ въ послѣдніе годы. Между днемъ его пріѣзда и днемъ убійства Войкова прошло около двухъ недѣль. Все это время Коверда прожилъ, въ качествѣ углового жильца, у бѣдной торговки-еврейки и питался одной водой и «баранками». Большевики недоумѣвали, какимъ образомъ Коверда узналъ о томъ, что Войковъ будетъ на вокзалѣ, но недоумѣніе это разъясняется очень просто: въ варшавскихъ газетахъ Коверда прочелъ о предполагавшемся отъѣздѣ Войкова въ Москву и въ теченіе нѣсколькихъ дней ходилъ подстерегать его къ московскому поѣзду. Когда Войковъ пріѣхалъ къ этому поѣзду для встрѣчи съ Розенгольцемъ, его настигла рука Коверды.

Для провѣрки показаній Коверды о томъ, что онъ не былъ связанъ ни съ какой русской эмигрантской организаціей, польскія власти произвели въ Варшавѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстностяхъ Польши рядъ обысковъ въ мѣстныхъ русскихъ учрежденіяхъ и арестовъ среди русскихъ дѣятелей. Обыски и аресты эти не дали никакого уличающаго матеріала.

Присутствовавшій при убійствѣ Войкова, Ро-

зенгольцъ въ первыя минуты послѣ убійства бѣгалъ въ паническомъ страхѣ и волненіи по варшавскому вокзалу. Онъ выѣхалъ затѣмъ въ Москву вмѣстѣ съ гробомъ, содержавшимъ останки Войкова, и вернулся въ Варшаву для того, чтобы дать во время процесса Бориса Коверды свои показанія.

Войковъ сохранялъ передъ смертью значительное присутствіе духа. Придя въ сознаніе въ госпиталѣ, въ который онъ былъ перевезенъ съ вокзала, онъ отдалъ своему секретарю распоряженіе, касавшееся бывшихъ при немъ бумагъ и ключей полпредства, о судьбѣ которыхъ онъ безпокоился. Умеръ онъ въ присутствіи министра иностранныхъ дѣлъ Залѣсскаго, пріѣхавшаго въ больницу отъ имени польскаго правительства.

Изъ больницы трупъ Войкова, въ набальзамированномъ видѣ, былъ перевезенъ въ полпредство, которое воспользовалось этимъ случаемъ для устройства въ Варшавѣ коммунистической демонстраціи. Въ теченіе двухъ дней трупъ Войкова былъ выставленъ на всеобщее обозрѣніе въ залѣ полпредства, задрапированной красной и черной матеріей. Въ залѣ этой, скрытый за краснымъ занавѣсомъ, оркестръ безпрерывно игралъ похоронные марши, а мимо возвышенія, на которомъ трупъ Войкова лежалъ въ гробу со стеклянной крышкой, вереницей проходили варшавскіе коммунисты и любопытные, допущенные въ полпредство.

Польское правительство выразило вдовѣ Войкова и «правительству СССР» соболѣзнованіе и выполнило всѣ формальныя обязательства, выте-

кавшія изъ наличія дипломатическихъ отношеній между Польшей и совѣтской Россіей.

10-го іюня гробъ съ останками Войкова былъ перевезенъ на варшавскій главный вокзалъ, а оттуда — въ особомъ поѣздѣ — въ Москву. За гробомъ по улицамъ Варшавы шли всѣ мѣстные большевики изъ полпредства и Розенгольцъ, представители польскаго правительства и дипломатическаго корпуса и нарядъ польскихъ войскъ, одновременно отдававшихъ праху Войкова воинскія почести и охранявшихъ порядокъ (настолько строго, что похоронное шестіе двигалось по совершенно пустынымъ улицамъ).

Послѣ этой перевозки останковъ Войкова въ Москву, весь интересъ Варшавы сосредоточился на процессѣ Коверды, который снискалъ себѣ симпатіи польскаго общества своей молодостью и патріотизмомъ своего поступка, несмотря на политическія осложненія, вызванныя для Польши его выстрѣломъ.

Возвращаемся, однако, къ тексту варшавскаго польскаго изданія...

ПРОТОКОЛЪ
СУДЕБНАГО ЗАСѢДАНІЯ
отъ 15 іюня 1927 года.

Чрезвычайный Судъ въ Варшавѣ въ составѣ:
Предсѣдателя — І. Гуминскаго,
Членовъ суда — І. Козаковскаго, А. Скавинскаго,
Секретаря — М. Маевской,
при участіи прокурора Апелляціоннаго Суда К. Рудницкаго — слушалъ уголовное дѣло по обвиненію Бориса Коверды, по ст. 453 Уг. Код.

Засѣданіе открылось въ 10 час. 45 мин. утра. Предсѣдатель приказалъ приставу ввести подсудимаго. Подсудимый занялъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Въ качествѣ защитниковъ явились: по выбору, на основаніи письменной довѣренности, адв. Павелъ Андреевъ и адв. Маріанъ Недзѣльскій и, на основаніи устнаго полномочія, адв. Францискъ Пасхальскій и адв. Мечиславъ Эттингеръ.

Подсудимый Коверда заявилъ, что уполномачиваетъ адвокатовъ Пасхальскаго и Эттингера на участіе въ его защитѣ.

Предсѣдатель задалъ подсудимому вопросы на основаніи статьи 638 Уст. Уг. Судопр.

Подсудимый заявилъ: «Меня зовутъ Борисъ Коверда, сынъ Софрона и Анны. Я родился въ Виленскомъ уѣздѣ 21 августа 1907 года. Мѣсто постояннаго жительства — Вильна. Національность

— русская. Подданство мое мнѣ не извѣстно, отецъ мой, кажется, является польскимъ гражданиномъ. Вѣроисповѣданіе — православное. Окончилъ 7 классовъ гимназіи Русскаго Общества въ Вильнѣ. Холостъ. Ученикъ гимназіи и служащій редакціи еженедѣльника «Бѣлорусское Слово». Судимъ не былъ. Копію обвинительнаго акта прокурора о преданіи меня чрезвычайному суду получилъ».

Послѣ оглашенія предсѣдателемъ списка лицъ, вызванныхъ на процессъ, приставъ доложилъ, что всѣ свидѣтели, за исключеніемъ Аркадія Розенгольца, явились и находятся въ комнатѣ для свидѣтелей; экспертъ проф. Грживо-Домбровскій присутствуетъ въ залѣ судебнаго засѣданія.

Предсѣдатель сообщилъ, что чрезвычайный судъ получилъ сегодня ноту восточнаго отдѣла политико-экономическаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и огласилъ текстъ этой ноты. (Содержаніе ея касалось сообщенія, полученнаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ о выѣздѣ Розенгольца изъ Москвы въ Варшаву).

Прокуроръ предложилъ суду принять ноту министерства иностранныхъ дѣлъ къ свѣдѣнію и приступить къ слушанію дѣла съ тѣмъ, что свид. Розенгольцъ явится въ судъ сегодня или завтра утромъ, заявляя, что если бы судебное слѣдствіе было закончено и свид. Розенгольцъ не прибылъ передъ его окончаніемъ, слѣдовало бы признать его отсутствіе оправданнымъ уважительными причинами и огласить его показаніе, данное во время предварительнаго разслѣдованія.

Защита присоединилась къ предложенію прокурора.

Чрезвычайный судъ постановилъ: признать причины неявки свид. Розенгольца въ судъ на основаніи ст. 642 Уст. Уг. Судопр. уважительными и огласить его показаніе, данное во время

прокурорскаго разслѣдованія, въ случаѣ неявки свидѣтеля до окончанія судебнаго слѣдствія.

Затѣмъ предсѣдатель огласилъ обвинительный актъ о преданіи Бориса Коверды чрезвычайному суду и спросилъ подсудимаго: признаетъ ли онъ себя виновнымъ?

Подсудимый заявилъ:

«Признаю, что убилъ Войкова, но виновнымъ себя не признаю. Послѣ девяти часовъ утра я вышелъ на перронъ и прогуливался въ теченіе нѣкотораго времени между поѣздами. Когда я дошелъ до середины поѣзда, поданнаго къ перрону, я увидѣлъ Войкова, который шелъ по перрону съ другимъ, неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ. Я шелъ въ сторону зданія вокзала, а Войковъ съ сопровождавшимъ его лицомъ — отъ вокзала. Я выстрѣлилъ въ Войкова нѣсколько разъ. Войковъ отвернулся и началъ убѣгать въ сторону вокзала; однако, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ мою сторону. Войковъ стрѣлялъ тогда, когда я уже разстрѣлялъ всѣ мои пули и пересталъ стрѣлять. Когда у меня не хватило пуль, я отбѣжалъ отъ Войкова на нѣсколько шаговъ и съ поднятымъ въ воздухъ револьверомъ направился къ шедшему мнѣ навстрѣчу полицейскому, по приказанію котораго я бросилъ револьверъ на землю и былъ арестованъ. Я убилъ, Войкова за все то, что большевики совершили въ Россіи. Лично я его не зналъ».

По окончаніи этого заявленія введены были свидѣтели, къ которымъ предсѣдатель обратился съ вопросами на основаніи ст. 702 Уст. Уг. Судопр., причемъ оказалось, что Юрій Григоровичъ является атеистомъ, Маріанъ Ясинскій, Константинъ Домбровскій, Альфонсъ Новаковскій, Ипполитъ Юдицкій и Феликсъ Абрамовичъ — католики, Сура Фенигштейнъ — іудейскаго вѣроисповѣданія, Кли-

ментій Агафоновъ — старообрядецъ, остальные же свидѣтели — Анна Коверда, Софронъ Коверда, Семенъ Захаренокъ, Левъ Бѣлевскій, Брониславъ Друцкой-Подберезскій, Юрій Бѣлевскій, Арсеній Павлюкевичъ, Ирина Коверда, Петръ Майдачевскій, Дмитрій Герасимовъ, Василій Юженко, Іосифъ Дзичковскій и Лидія Свитичъ — православные. Анна Коверда — мать подсудимаго, Софронъ Коверда — его отецъ, а Ирина Коверда — сестра. Всѣ трое, увѣдомленные предсѣдателемъ о содержаніи статьи 705 Уст. Уг. Судопр., заявили, что желаютъ давать показанія. Всѣ остальные свидѣтели въ родствѣ съ подсудимымъ и убитымъ Войковымъ не состоятъ, судимы не были. Свид. Іосифъ Дзичковскій — православный священникъ. Экспертъ проф. Викторъ Грживо-Домбровскій, римско-католическаго вѣроисповѣданія, въ родствѣ съ подсудимымъ и убитымъ Войковымъ не состоитъ.

Предсѣдатель предложилъ сторонамъ высказаться по вопросу о порядкѣ допроса свидѣтелей.

Прокуроръ внесъ предложеніе о допросѣ Анны, Софрона и Ирины Коверда на основаніи ст. 705 Уст. Уг. Судопр., эксперта — на основаніи ст. 713, священника Дзичковскаго на основаніи п. 8 ст. 712, остальныхъ свидѣтелей, за исключеніемъ Юрія Григоровича, подъ присягой. Что касается послѣдняго свидѣтеля, то прокуроръ внесъ предложеніе объ отобраніи отъ него торжественнаго обѣщанія.

Отъ имени защиты адв. Эттингеръ присоединился къ предложенію прокурора.

Свид. Агафоновъ заявилъ, что согласенъ принести присягу вмѣстѣ съ православными.

Чрезвычайный судъ постановилъ: допросить свидѣтелей Анну, Софрона и Ирину Коверда на основаніи ст. 705 Уст. Уг. Судопр. безъ присяги,

эксперта проф. Грживо-Домбровскаго, на основаніи ст. 713 Уст. Уг. Судопр., отъ присяги освободить, священника Іосифа Дзичковскаго, на основаніи п. I ст. 712 Уст.Уг. Судопр., допросить безъ присяги, свид. Юрія Григоровича, на основаніи п. 2 ст. 712 Уст. Уг. Судопр., въ связи со статьей III Конституціи, допросить безъ присяги, отобравъ отъ него обязательство, остальныхъ свидѣтелей привести къ присягѣ.

По приведеніи къ присягѣ католиковъ католическимъ ксендзомъ, православныхъ и старообрядца — православнымъ священникомъ и Суры Фенигштейнъ — раввиномъ, по выполненіи постановленій ст. ст. 716 и 717 Уст. Уг. Судопр., свидѣтели, за исключеніемъ Григоровича, были отведены въ особое помѣщеніе; экспертъ Грживо-Домбровскій былъ оставленъ въ залѣ судебнаго засѣданія.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію свидѣтельскихъ показаній въ томъ видѣ, въ какомъ они зафиксированы въ судебномъ протоколѣ и переданы въ польскомъ изданіи, съ котораго мы дѣлаемъ настоящій переводъ, необходимо дать нашимъ читателямъ картину той обстановки, въ которой происходилъ судъ.

Съ ранняго утра зданіе варшавскаго Окружнаго суда, въ которомъ засѣдалъ чрезвычайный судъ по дѣлу Коверды, окружено было толпой лицъ, желавшихъ проникнуть въ залъ судебнаго засѣданія. Наряды полиціи оказались слишкомъ слабыми для того, чтобы сдержать толпу, которая проникла въ зданіе суда. Для возстановленія порядка пришлось очистить отъ публики не только это

зданіе, но и весь прилегающій къ нему дворъ, послѣ чего полицейскіе посты были разставлены у всѣхъ входовъ. Только послѣ принятія этихъ мѣръ предосторожности, въ залъ допущены были лица, получившія возможность присутствовать на процессѣ. Несмотря на строгій разборъ, съ которымъ производился пропускъ, залъ оказался переполненнымъ. Не только всѣ скамьи для публики, но и всѣ проходы, мѣста за судьями и т. п. оказались занятыми. Въ публикѣ преобладали представители польской администраціи, суда, прокуратуры, полиціи, адвокатуры и т. п. Русская эмиграція представлена была немногочисленной группой лицъ во главѣ съ предсѣдателемъ Правленія Россійскаго Комитета въ Польшѣ В. И. Семеновымъ. Присутствовало также нѣсколько большевиковъ изъ полпредства, причемъ — вступившій послѣ смерти Войкова въ исполненіе обязанностей совѣтскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Варшавѣ — совѣтникъ полпредства Ульяновъ также прибылъ въ судъ. На него никто не обратилъ вниманія, и онъ, занявъ мѣсто среди публики на одной изъ послѣднихъ скамей, вскорѣ удалился. Среди свидѣтелей также былъ одинъ большевикъ — «завхозъ» полпредства Григоровичъ. Представъ передъ судомъ, онъ злыми глазами изподлобья разсматривалъ судъ и публику, которая не щадила замѣчаній по адресу его типичнаго, преступнаго лица.

Польская и иностранная печать представлена была на процессѣ значительнымъ числомъ журналистовъ, количество которыхъ все увеличивалось и

къ моменту объявленія приговора достигло 120 человѣкъ. Среди нихъ было также два большевика, корреспонденты «Правды» и «Извѣстій», занявшіе мѣста въ сторонѣ отъ «буржуазныхъ» журналистовъ, за однимъ изъ послѣднихъ столовъ.

Борисъ Коверда былъ введенъ въ залъ суда подъ сильнымъ полицейскимъ конвоемъ и сразу завоевалъ общую симпатію своей улыбкой и выраженіемъ лица. На скамьѣ подсудимыхъ, въ чистомъ, привезенномъ ему родителями, бѣльѣ и скромномъ пиджачномъ костюмѣ, онъ казался совершенно юнымъ мальчикомъ. Свои показанія Коверда давалъ, какъ и всѣ свидѣтели, за исключеніемъ священника Дзичковскаго, на польскомъ языкѣ. Въ первый моментъ онъ очень волновался, во все остальное время процесса держалъ себя совершенно спокойно, несмотря на то, что до объявленія приговора въ напряженной атмосферѣ судебнаго засѣданія возникали даже опасенія въ возможности вынесенія смертнаго приговора...

Въ польскомъ изданіи процесса Коверды ходъ Судебнаго Слѣдствія изложенъ слѣдующимъ образомъ:

ПОКАЗАНІЯ СВИДѢТЕЛЕЙ ОБВИНЕНІЯ.

1. Свид. Юрій Григоровичъ заявилъ, что даетъ безусловное обѣщаніе говорить правду, а затѣмъ сказалъ, что о фактѣ убійства посланника Войкова ничего не знаетъ, ибо при этомъ убійствѣ не присутствовалъ. Свидѣтель сопровождалъ посланника на главный вокзалъ, гдѣ Войковъ долженъ былъ встрѣтить Розенгольца. Поѣздъ изъ Берлина прибылъ въ 9 часовъ съ минутами. Когда Розенгольцъ вышелъ изъ спальнаго вагона, Войковъ и свидѣтель замѣтили его и Войковъ подошелъ къ Розенгольцу. Свидѣтель былъ отъ нихъ въ такомъ разстояніи, какъ отъ своего мѣста въ судѣ до мѣста прокурора. Сразу послѣ пріѣзда Розенгольца онъ ушелъ съ вокзала.

На основаніи ст. 701 Уст. Уг. Судопр. Предсѣдатель постановилъ измѣнить порядокъ допроса и приступить къ заслушанію экспертизы.

Отъ имени защиты адв. Эттингеръ обратился къ суду съ просьбой о допросѣ эксперта послѣ допроса свидѣтелей, особенно тѣхъ, которымъ извѣстна прошлая жизнь подсудимаго.

Предсѣдатель удовлетворилъ ходатайство защиты и судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей. Свидѣтели, вызывавшіеся поочередно и допрашивавшіеся на основаніи ст. ст. 718-724 Уст. Уг. Судопр., показали нижеслѣдующее:

2. Свид. Маріянъ Ясинскій, околодочный полиціи: «Въ день убійства я былъ на службѣ

на вокзалѣ. Отошелъ скорый поѣздъ въ Люблинъ. Въ этотъ моментъ я услышалъ нѣсколько выстрѣловъ на одномъ изъ сосѣднихъ перроновъ. На ходу я замѣтилъ, что публика бѣжитъ съ перрона № 8-9 и на этомъ перронѣ замѣтилъ посреди него двухъ людей, стрѣлявшихъ другъ въ друга изъ револьверовъ; одинъ изъ нихъ убѣгалъ въ сторону зданія вокзала, другой бѣжалъ за нимъ. Тотъ, который убѣгалъ, далъ два выстрѣла въ сторону нападавшаго. Я подбѣжалъ къ первому и схватилъ его за руку. Въ этотъ моментъ онъ упалъ. Оказалось, что это былъ посланникъ Войковъ. Къ другому лицу, поднявшему револьверъ въ воздухъ, подбѣжали полицейскіе, а ко мнѣ подошелъ одинъ господинъ, который заявилъ, что онъ — посолъ изъ Лондона Розенгольцъ, а раненый — посланникъ Войковъ. Передъ тѣмъ, какъ Розенгольцъ подошелъ ко мнѣ, я спросилъ раненаго, кто онъ, но онъ отвѣтилъ лишь какимъ-то непонятнымъ словомъ;и тотчасъ же губы у него посинѣли и онъ началъ зеленѣть. Розенгольцъ— на вопросъ, знаетъ ли онъ убійцу—отвѣтилъ: «Мерзавецъ, прохвостъ, сукинъ сынъ». При мнѣ Войковъ далъ два выстрѣла, всего съ обѣихъ сторонъ было дано около 10 выстрѣловъ. Я видѣлъ Коверду, когда она шелъ съ поднятымъ въ воздухъ револьверомъ, приблизительно въ 20 шагахъ отъ Войкова. Я занялся раненымъ и перенесъ его въ помѣщеніе дежурнаго околодочнаго. Будучи въ помѣщеніи, въ которое былъ отведенъ Коверда, я слышалъ только, какъ тотъ сказалъ: «За Россію». Когда я обратился къ Войкову съ вопросомъ, онъ былъ въ сознаніи».

Свид. Григоровичъ, на вопросъ прокурора, дополнительно показалъ: «Съ посланникомъ Войковымъ я случайно былъ тогда на вокзалѣ. Постоянно я его не сопровождалъ и съ нимъ не ѣздилъ. Полиціи о поѣздкахъ Войкова не сообща-

лось. Посланникъ Войковъ одинъ выходилъ въ городъ. Мнѣ извѣстно, что онъ одинъ ѣздилъ въ автомобилѣ, которымъ самъ управлялъ, ѣздилъ по Вислѣ въ моторной лодкѣ».

3. Свид. Константинъ Домбровскій, полицейскій, показалъ: «Я несъ службу при дежурномъ околодочномъ на Главномъ вокзалѣ. Я услышалъ выстрѣлы, выбѣжалъ изъ помѣщенія на перронъ и увидѣлъ неизвѣстнаго съ револьверомъ въ рукахъ, бывшаго лицомъ въ сторону вокзала. Неизвѣстный этотъ тотчасъ же упалъ около самаго поѣзда. Публика изъ оконъ вагоновъ кричала, что на перронѣ есть еще другой, который стрѣлялъ. Я отошелъ на нѣсколько шаговъ и замѣтилъ человѣка, шедшаго по перрону съ револьверомъ въ рукахъ. Я и полицейскій Ясинскій побѣжали за этимъ человѣкомъ, который находился между вагонами двухъ поѣздовъ на линіяхъ 8-9. Человѣкъ этотъ остановился и повернулся лицомъ къ намъ. Въ рукахъ онъ держалъ револьверъ. По нашему требованію онъ положилъ револьверъ на землю. Я тутъ же произвелъ личный обыскъ и нашелъ въ карманѣ брюкъ четыре револьверныхъ патрона. Въ револьверѣ не было уже ни одной пули. На вопросъ, зачѣмъ онъ стрѣлялъ, человѣкъ этотъ отвѣтилъ: «Я отомстилъ за Россію, за милліоны людей». Съ раненымъ посланникомъ Войковымъ я не разговаривалъ, имъ занялись околодочный Ясинскій и полицейскій Шиманскій. Коверда былъ совершенно покоенъ, когда мы его арестовали».

Судъ постановилъ предъявить свидѣтелямъ вещественныя доказательства. По распечатаніи пакета оказалось, что въ немъ находятся: 1) револьверъ системы «Маузеръ», безъ номера, съ пустой обоймой; 2) револьверъ «Браунингъ» № 80481, и, отдѣльно отъ него, обойма съ двумя патронами; 3) 4 патрона къ «Маузеру».

По предъявленіи этихъ предметовъ свид. Домбровскому, послѣдній заявилъ: «Въ карманѣ у Коверды я нашелъ 4 патрона. Онъ имѣлъ револьверъ «Маузеръ». При переносѣ посланника Войкова въ карету скорой помощи я не присутствовалъ, такъ какъ стерегъ Коверду. Разговоровъ съ нимъ я никакихъ не велъ, онъ также ничего не говорилъ».

4. Свид. Сура Фенигштейнъ показала: «Подсудимый жилъ у меня въ теченіе нѣсколькихъ дней. Онъ приходилъ вечеромъ, а утромъ выходилъ. Никто къ нему не приходилъ. Поселился онъ у меня во вторникъ вечеромъ. Въ первый день праздника Троицы я должна была переѣхать въ больницу. Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ пришли дѣти въ больницу и сказали мнѣ, что меня ищутъ и чтобы я выписалась изъ больницы. Дѣти были у меня въ среду. Я была въ больницѣ два дня. Я просила Коверду, чтобы онъ далъ документы для прописки, но онъ документовъ не далъ, объяснивъ, что документы у него въ школѣ, въ которой онъ держитъ экзамены. Коверда долженъ былъ жить у меня двѣ недѣли, до двухъ недѣль не хватало одного дня. Подсудимый говорилъ, что уѣзжаетъ».

На вопросъ предсѣдателя, который предупредилъ, что на вопросы онъ можетъ не отвѣчать, подсудимый Борисъ Коверда заявилъ: «Я пріѣхалъ въ Варшаву за двѣ недѣли передъ убійствомъ, 23 мая, кажется, въ понедѣльникъ вечеромъ. Одинъ день я прожилъ въ гостиницѣ «Асторія». Къ Фенигштейнъ переѣхалъ во вторникъ и жилъ у нея двѣ недѣли».

Свид. Фенигштейнъ на вопросъ предсѣдателя заявила: «Я приняла подсудимаго Коверду въ жильцы, ибо какъ разъ отъ меня уѣхала одна жилица».

ПОКАЗАНІЯ СВИДѢТЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ.

5. Свид. Анна Ковердa заявила: «Объ убійствѣ я узнала изъ газетъ. Оно было для меня неожиданностью. Борисъ былъ всегда впечатлительнымъ, тихимъ и скромнымъ. Онъ содержалъ семью, такъ какъ я болѣла и не имѣла работы. Онъ работалъ на всю семью. Борисъ былъ моимъ опекуномъ и защитникомъ, опекуномъ своихъ сестеръ. Какъ сынъ, Борисъ былъ очень добрый, хотѣлъ все сдѣлать для того, чтобы мать его не страдала. Онъ заботился о томъ, чтобы мнѣ ни въ чемъ не было плохо и думалъ о томъ, какъ помочь. Я происхожу отсюда, изъ Польши. Мы виленскіе жители, жили въ Вильнѣ передъ войной. Въ 1915 году мы были эвакуированы властями изъ Вильны въ Тамбовъ, потомъ выѣхали въ Самару. Борисъ родился въ окрестностяхъ Вильны. Мы жили въ Россіи до 1920 года. Я вернулась въ Польшу съ дѣтьми, мужъ долженъ былъ остаться въ Россіи. Мы вернулись въ Польшу легально. Къ возвращенію склонило насъ то, что я тутъ родилась и жила. Мой мужъ—народный учитель въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Въ послѣднее время у меня была работа и я зарабатывала. Передъ этимъ я была безработной и тогда меня и дочерей содержалъ сынъ. Дочери мои не зарабатываютъ. Мужъ иногда присылалъ деньги, главнымъ образомъ, однако, насъ содержалъ Борисъ. Онъ работалъ въ редакціи газеты «Бѣлорусское Слово», былъ экспедиторомъ, а въ послѣднее

время и корректоромъ. Зарабатывалъ онъ по 150 злотыхъ въ мѣсяцъ и прирабатывалъ еще какихъ нибудь 20 злотыхъ въ мѣсяцъ. Въ прошломъ году онъ зарабатывалъ меньше и намъ приходилось очень плохо, мы голодали. Борисъ болѣлъ скарлатиной и дифтеритомъ, былъ въ больницѣ шесть недѣль. Сразу по выздоровленіи взялся за работу. Я работаю съ января, зарабатывала сначала 150, а потомъ 200 злотыхъ въ мѣсяцъ. Борисъ отдавалъ мнѣ всѣ заработанныя деньги. Газета «Бѣлорусское Слово» издается на бѣлорусскомъ языкѣ. Борисъ много читалъ. По взглядамъ онъ былъ демократъ. Большевикамъ не симпатизировалъ. То, что онъ видѣлъ въ Самарѣ, не могло создать въ немъ благопріятнаго для большевиковъ настроенія. Когда мы жили въ Зубчаниновскомъ поселкѣ, Самарской губерніи, у Бориса было много непріятностей, его преслѣдовали, называли «буржуйскимъ» ребенкомъ, уничтожили школу, въ которой онъ учился, и церковь. Разъ при немъ былъ разговоръ о томъ, что пріѣхалъ священникъ, что большевики заперли его въ хлѣвъ и издѣвались надъ нимъ, и это произвело на Бориса большое впечатлѣніе. Борисъ былъ вѣрующимъ до послѣдняго момента. Въ этомъ году онъ былъ у исповѣди и причащался, это было даже для меня неожиданностью, такъ какъ онъ очень былъ занятъ работой. Разговоры о большевикахъ у насъ дома бывали. Борисъ былъ очень впечатлительнымъ и нервнымъ, такъ какъ много работалъ. Сынъ моей сестры былъ убитъ большевиками. Борисъ часто объ этомъ говорилъ съ моей сестрой. Онъ былъ свидѣтелемъ разгула Чрезвычайки, слезъ моей сестры, которую онъ любилъ, такъ какъ она была его крестной матерью. Когда Борисъ былъ еще 6-7-лѣтнимъ мальчикомъ, я иногда ему читала исторію Россіи, я тогда была учительницей, а онъ учился въ школѣ. На него особенно сильное впечатлѣніе произвела исторія

Сусанина. Онъ сказалъ мнѣ: «Мама, я хочу быть Сусанинымъ». Дома мы говорили только по русски, мы считаемъ себя русскими по культурѣ. Бѣлоруссію я Россіей не считаю. Борисъ въ Самарѣ былъ свидѣтелемъ того, какъ разстрѣливали на льду нашего знакомаго о. Лебедева. Другого знакомаго, Кабанцева, большевики увели и нельзя было узнать, что они съ нимъ сдѣлали. Борисъ, будучи тогда ребенкомъ, видѣлъ отчаяніе его жены и часто говорилъ о ея слезахъ. Кабанцевы были наши хорошіе знакомые. Борисъ видѣлъ въ Россіи, какъ большевики преслѣдовали его учительницу, которую онъ очень любилъ. При немъ въ Самарѣ начальникомъ четырехъ учебныхъ заведеній былъ назначенъ еврей, который велъ съ дѣтьми разговоры о Христѣ, говоря, что Онъ — только способный сектантъ. Думаю, что это произвело на Бориса впечатлѣніе. Когда Борисъ послѣ болѣзни началъ выздоравливать, первой его просьбой была просьба о томъ, чтобы отслужить молебенъ. Въ Вильнѣ я была начальницей школы и начальницей пріюта. Когда Борисъ былъ въ третьемъ классѣ гимназіи, онъ уже вынужденъ былъ зарабатывать себѣ пропитаніе и работалъ въ качествѣ экспедитора въ газетѣ. Тогда онъ приносилъ домой газеты, названій которыхъ я не помню. Дома мы получали «Виленское Утро», «За свободу» и другія газеты. Были также польскія газеты и какія то русскія заграничныя изданія. Въ 1922-1923 г. г. сынъ работалъ въ экспедиціи «Нашей Думки». Это была газета по направленію не совсѣмъ коммунистическая, но близкая къ коммунизму. Въ редакціи «Бѣлорусскаго Слова» не было коммунистическихъ газетъ, но бывали различныя русскія газеты. Мнѣ не приходилось видѣть, чтобы Борисъ дѣлалъ вырѣзки изъ газетъ».

6. Свид. Софронъ Ковердa: «Въ послѣдній разъ я видѣлся съ сыномъ на праздникъ

Рождества Христова. Мы тогда вмѣстѣ проводили праздники. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ не видѣлся. Я жилъ отдѣльно, такъ какъ тяжелыя условія вынуждали меня жить отдѣльно. — Я учитель народной школы. Во время каникулъ, въ разговорѣ съ сыномъ, мы не разъ затрагивали политическія темы и у меня создалось впечатлѣніе, что свою работу онъ несетъ только ради заработка, въ которомъ онъ нуждался. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ былъ впечатлительнымъ и я теперь понимаю трагедію его души. Борисъ былъ очень способнымъ: онъ понималъ, что свои способности онъ можетъ развить, что онъ можетъ выдвинуться, но это было бы возможнымъ только въ Россіи, при наличіи другихъ матеріальныхъ условій существованія. Препятствіемъ къ этому являлся большевизмъ. Нужда портила Борису жизнь. Тяжкія матеріальныя условія отражались на его душѣ. Его юная душа не могла съ этимъ примириться, въ ней родился протестъ и протестъ этотъ выразился въ формѣ выстрѣла. Борисъ былъ еще ребенкомъ, ученикомъ перваго класса, когда онъ сдѣлался свидѣтелемъ большевицкихъ звѣрствъ и звѣрства эти оставили на немъ неизгладимое впечатлѣніе. Я сынъ крестьянина, родился въ Бѣльско-Подляшскомъ уѣздѣ. Я польскій гражданинъ, какъ уроженецъ Бѣльскаго уѣзда,—и на основаніи списковъ населенія получилъ паспортъ. Въ началѣ войны я былъ чиновникомъ Крестьянскаго Банка, въ Вильнѣ. Въ 1914 г. я поступилъ охотникомъ въ армію. Меня признали негоднымъ, потому, что я плохо слышу правымъ ухомъ, но я, видя, что простой народъ идетъ на войну, самъ подалъ заявленіе, что здоровъ и прошу о зачисленіи меня въ армію. Въ окрестностяхъ Сморгони я былъ очень тяжело раненъ. Въ теченіе 4 мѣсяцевъ я лѣчился въ Москвѣ и какъ разъ въ этотъ моментъ произошелъ большевицкій переворотъ. Въ Вильнѣ еще до войны я при-

надлежалъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и принималъ участіе въ нелегальной работѣ. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что царская власть угнетаетъ крестьянъ, и, какъ крестьянинъ, стремился къ улучшенію крестьянской доли. Когда произошелъ переворотъ я принималъ участіе въ уличныхъ бояхъ противъ большевиковъ. Большевики, однако, послѣ переворота мобилизовали меня и назначили комендантомъ этапнаго пункта. Потомъ зачислили меня въ армію. Съ этимъ я не могъ примириться и въ 1921 году бѣжалъ тайно изъ Россіи, перешелъ границу подъ Несвижемъ, семья моя тогда была въ Польшѣ. Границу я перешелъ въ качествѣ офицера красной арміи. Мою семью я засталъ въ нуждѣ. Въ 1922 г. я началъ издавать въ Варшавѣ газету «Крестьянская Русь». Это былъ органъ организаціи Савинкова, демократическаго направленія. Я издавалъ эту газету, пока у меня были деньги. Я — бѣлоруссъ, моя жена тоже. Дома мы говоримъ по-бѣлорусски, по-русски и по-польски, надъ нами смѣются, что мы такъ различно говоримъ. При Керенскомъ въ 1917 г. я боролся противъ большевиковъ и говорилъ объ этомъ съ Борисомъ. Онъ человѣкъ вѣрующій и правдивый. Въ прошломъ году онъ тяжело болѣлъ и былъ близокъ къ смерти. Послѣ болѣзни его впечатлительность усилилась, жена и дочь мнѣ писали, что онъ очень впечатлителенъ и что ему тяжело живется. О судьбѣ тѣхъ, кто вмѣстѣ со мной боролся противъ большевиковъ, я ничего не знаю. Когда я былъ въ Самарѣ, то слышалъ о разстрѣлахъ: говорили, что такой то и такой то разстрѣляны. Когда Борисъ былъ въ третьемъ классѣ, мы жили вмѣстѣ. Сынъ работалъ тогда въ качествѣ экспедитора въ редакціи бѣлорусской націоналистической газеты. Потомъ бѣлорусскія національныя газеты пріобрѣли коммунистическую окраску. Часто ли газеты, въ которыхъ рабо-

талъ Борисъ, подвергались конфискаціи—не знаю. Борисъ работалъ въ редакціи еженедѣльника «Бѣлорусская Криница», «Бѣлорусскія Вѣдомости», пересталъ въ нихъ работать въ 1924 г. Тогда онъ началъ работать въ редакціи еженедѣльника «Громадскій Голосъ». Онъ учился въ бѣлорусской гимназіи, а по окончаніи 6 классовъ перешелъ въ гимназію Русскаго Общества въ Вильнѣ. Не знаю, вызывали ли его въ политическую полицію. О дѣлѣ Сологуба я слышалъ, но ничего не помню. Я знаю, что былъ такой процессъ, связанный съ бѣлорусской гимназіей, и это вызвало оставленіе этой гимназіи Борисомъ. О томъ, что онъ считаетъ себя русскимъ, Борисъ за послѣднее время мнѣ не говорилъ. О револьверѣ мнѣ ничего не извѣстно. Читалъ ли Борисъ «Отъ двуглаваго орла къ красному знамени» Краснова — не знаю».

Это показанія родителей Бориса Коверды нуждаются въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. Слѣдуетъ указать на то, что осторожный и крайне сдержанный тонъ этихъ показаній, особенно въ вопросѣ о національной принадлежности семьи Коверды — русскіе или бѣлоруссы — а также въ вопросѣ о языкѣ этой семьи, объясняется особыми мѣстными условіями. Изъ показаній видно, что родители Коверды принадлежали въ прошломъ къ демократической и даже соціалистической части русской интеллигенціи, что, конечно, не предрѣшаетъ вопроса объ убѣжденіяхъ ихъ сына. Показанія устанавливаютъ: какъ крестьянское происхожденіе семьи Коверда, такъ и тѣ очень тяжелыя матеріальныя условія, въ которыхъ эта семья жила въ послѣдніе годы въ Польшѣ. Во избѣжаніе недоразу-

мѣній слѣдуетъ указать, что тѣ коммунистическія бѣлорусскія изданія, о которыхъ идетъ рѣчь въ показаніяхъ, имѣли въ лицѣ гимназиста Бориса Коверды не редакціоннаго сотрудника, а техническаго служащаго. Работа въ этихъ изданіяхъ, вызванная матеріальной необходимостью, только усилила ненависть Бориса Коверды къ коммунистамъ и содѣйствовала выявленію его національнаго самосознанія: Борисъ Коверда почувствовалъ себя не бѣлоруссомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово нынѣ употребляется въ Польшѣ, а русскимъ и даже бросилъ бѣлорусскую гимназію, перейдя по собственной иниціативѣ въ русское учебное заведеніе.

7. Свид. Семенъ Захаронокъ показалъ: «Объ убійствѣ Войкова я узналъ изъ газетъ. Подсудимаго Коверду я знаю съ 1921 года и былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Я считаю его человѣкомъ очень честнымъ и добросовѣстнымъ. Я познакомился съ нимъ въ гимназіи и встрѣчался въ редакціи. 21 или 22 мая с. г. я былъ вмѣстѣ съ Ковердой въ кинематографѣ и сказалъ ему, что уже поздно и что ему, можетъ быть, опасно такъ поздно возвращаться домой. Коверда отвѣтилъ, что онъ не боится, потому что у него есть револьверъ и показалъ мнѣ дуло револьвера, который былъ у него въ карманѣ. Когда въ прошломъ году былъ первый, такъ называемый, съѣздъ Западной Бѣлоруссіи въ Вильнѣ—Коверда изгналъ изъ помѣщенія, въ которомъ этотъ съѣздъ происходилъ, ученика бѣлорусской гимназіи Саковича и еще другого, фамилію котораго я не помню, такъ какъ считалъ ихъ сторонниками коммунизма. Съѣздъ этотъ былъ созванъ

д-ромъ Павлюкевичемъ. Подсудимый Коверда говорилъ по русски, считалъ ли онъ себя русскимъ —не знаю. Я встрѣчался съ Ковердой очень рѣдко. Коверда сказалъ мнѣ, что револьверъ онъ получилъ для охраны д-ра Павлюкевича, такъ какъ коммунисты хотятъ напасть на него. Является ли газета Павлюкевича полонофильской — не знаю. Политикой я не занимаюсь. На съѣздѣ д-ра Павлюкевича я былъ случайно. Въ редакцію «Бѣлорусскаго Слова» я ходилъ, какъ гость. Я очень рѣдко говорилъ съ Ковердой о политикѣ. О газетѣ «Бѣлорусскія Вѣдомости» я съ нимъ не разговаривалъ. Я считалъ Коверду противникомъ коммунизма. Онъ вездѣ, гдѣ могъ, осуждалъ большевицкое направленіе, доказательствомъ чего служитъ то, что онъ изгналъ со съѣзда Западной Бѣлоруссіи двухъ своихъ товарищей, которыхъ считалъ коммунистами. Коверда указывалъ на условія жизни въ совѣтской Россіи, обращалъ вниманіе на то, что тамъ творится, говорилъ, что это ужасъ. Смертныя казни въ Россіи возмущали его. Поступокъ его явился осуществленіемъ его переживаній. Въ разговорахъ Коверда говорилъ о поступкахъ большевиковъ. Самъ я въ Россіи не былъ, тамошнихъ условій не знаю. Я тутъ родился и эвакуированъ не былъ».

8. Свид. Левъ Бѣлевскій: «О покушеніи на посланника Войкова я ничего не знаю. Подсудимаго Коверду я знаю, какъ ученика гимназіи Виленскаго Русскаго Общества. Я являюсь директоромъ этой гимназіи. Въ прошломъ учебномъ году Коверда поступилъ въ нашу гимназію въ седьмой классъ. Это было осенью 1925 года. Я тогда еще не былъ директоромъ, а лишь учителемъ. Въ классѣ Коверды я не преподавалъ. Коверда перешелъ къ намъ изъ бѣлорусской гимназіи. Я зналъ, что Коверда находится въ очень тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, что онъ вынужденъ работать какъ на

собственное пропитаніе, такъ и на пропитаніе своей семьи. Поэтому мы мирились съ частымъ пропускомъ уроковъ съ его стороны и онъ хоть съ трудомъ, но былъ переведенъ въ 8-й классъ. Коверда работалъ въ редакціи «Бѣлорусскаго Слова». Въ началѣ этого года газета эта временно не выходила и тогда Коверда, который вообще былъ способенъ, началъ дѣлать успѣхи и регулярно посѣщалъ гимназію. Потомъ вновь началъ работать въ редакціи и снова сталъ пропускать уроки. Онъ говорилъ, что долженъ работать. Въ разговорѣ со мной, Коверда жаловался на тяжелыя матеріальныя условія. Всѣ преподаватели относились съ симпатіей къ Ковердѣ и относились снисходительно къ тому, что онъ пропускалъ уроки. Несмотря на это, когда окончились занятія въ 8 классѣ, возникъ вопросъ, что дѣлать съ Ковердой. 21 мая т. г. на засѣданіи педагогическаго совѣта было принято постановленіе объ исключеніи Бориса Ковердъ изъ списка учениковъ гимназіи. Мы вынуждены были это сдѣлать на основаніи существующихъ правилъ. Коверда былъ тихимъ, спокойнымъ, послушнымъ, сосредоточеннымъ и замкнутымъ. Характеръ у него былъ мягкій. У него никогда не бывало столкновеній ни съ преподавателями, ни съ товарищами. Школьной дисциплинѣ онъ подчинялся. Онъ казался спокойнымъ, но нервность его выдавали характерныя экспансивныя движенія и быстрая походка. Я помню такой случай, характеризующій Коверду. Былъ ноябрь, шелъ мокрый снѣгъ. Вечеромъ послѣ уроковъ, — у насъ уроки происходятъ вечеромъ,— я встрѣтилъ Коверду на лѣстницѣ въ легкомъ пиджакѣ. Я сказалъ ему, что будучи такъ легко одѣтымъ можно простудиться: онъ, улыбаясь, отвѣтилъ, что привыкъ, такъ какъ верхняго платья у него нѣтъ. Какъ директоръ гимназіи, я могу сказать, что Коверда оставилъ въ гимназіи самыя хорошія воспоминанія. Исключеніе

Коверды, на основаніи постановленія педагогическаго совѣта, было для меня тяжелой обязанностью. Я считалъ, что онъ отказался отъ посѣщенія гимназіи, такъ какъ онъ зналъ, что его товарищи приступаютъ къ выпускнымъ экзаменамъ, а онъ съ поста почти не посѣщалъ уроковъ. Я считаю, что Коверда бросилъ гимназію. Уже послѣ Рождества онъ очень рѣдко бывалъ въ гимназіи, а послѣ поста совершенно пересталъ бывать. Наша гимназія частная и безъ правъ. Уроки происходятъ вечеромъ, ибо, находясь въ тяжелыхъ денежныхъ условіяхъ, мы вынуждены сдавать наше помѣщеніе на утренніе часы, чтобы этимъ усилить наши средства. Число учениковъ незначительное — 101 человѣкъ, въ томъ числѣ 99 русскихъ и 2 еврея. Все это преимущественно дѣти русской интеллигенціи, нерѣдко занятой физическимъ трудомъ, въ виду отсутствія другой работы. Бѣлорусская гимназія имѣетъ больше учениковъ, болѣе 200. Это дѣти бѣлорусскихъ семействъ. Мы вопроса о національности не изслѣдуемъ. Если кто-либо хочетъ къ намъ поступить и считаетъ себя русскимъ по культурѣ, мы стараемся его принять. Мы приняли нѣсколькихъ учениковъ изъ русской начальной школы. Поляки къ намъ не поступаютъ. Былъ только одинъ случай, что въ этомъ году обратился въ нашу гимназію одинъ полякъ, пріѣхавшій изъ Россіи съ маленькимъ сыномъ, и хотѣлъ отдать къ намъ мальчика, но не отдалъ. О замкнутости Коверды я говорю на основаніи личныхъ впечатлѣній. Я никогда не дѣлалъ Ковердѣ выговоровъ по поводу пропуска имъ уроковъ. Я говорилъ съ нимъ о платѣ за ученіе и это былъ для меня тяжелый вопросъ. Гимназія наша находится въ очень тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ и я долженъ былъ знать матеріальное положеніе учениковъ. Такъ было и съ Ковердой. У него были слезы на глазахъ, когда онъ говорилъ, что хочетъ окон-

чить гимназію, но не можетъ платить. На этой недѣлѣ я разговаривалъ съ товарищами Ковердy. Они мнѣ говорили, что встрѣчались съ Ковердой и разсказывали ему объ экзаменахъ. Коверда загадочно говорилъ о томъ, что ему также предстоитъ сдать экзаменъ и потомъ его товарищи объясняли, что этотъ экзаменъ — это его поступокъ. Общее мнѣніе о Ковердѣ гласило, что это человѣкъ безусловно идейный, не бросающій словъ на вѣтеръ, сосредоточенный, впечатлительный, мягкій, и трудно было повѣрить, что Коверда могъ совершить этотъ поступокъ. Всѣмъ было ясно, что Коверда переживалъ что-то крупное, что-то цѣнное, какую-то тайну. Это было общее мнѣніе товарищей Коверды по гимназіи. Коверда былъ безусловно правдолюбивымъ юношей. Я не замѣчалъ въ немъ никакой лжи, ничего, что можно было бы отнести къ отрицательной сторонѣ въ его характеристикѣ. Восемнадцатилѣтній мальчикъ работалъ такъ, какъ не могъ бы работать взрослый человѣкъ и потому мы до послѣдняго момента оставляли его въ гимназіи. Я полагаю, что въ нашей гимназіи большинство учениковъ дѣти польскихъ гражданъ. Сначала было много дѣтей эмигрантовъ, когда вопросъ о гражданствѣ еще не былъ разрѣшенъ. Въ спискахъ гимназіи Коверда записанъ, какъ русскій. Я считаю Ковердурусскимъ. Я спрашивалъ учителей бѣлорусской гимназіи, отчего Коверда ушелъ изъ этой гимназіи—и мнѣ было сказано, что тамъ часть учениковъ принадлежала къ коммунистической партіи, что Коверда выступилъ противъ своихъ товарищей и что на этой почвѣ ушелъ. Однако, поведеніе Коверды въ этой гимназіи было превосходнымъ и никакихъ столкновеній на политической почвѣ не было. Нашу гимназію я стараюсь изолировать отъ политики. Настроеніе молодежи лишено идейной основы, политикой она не интересуется. Старшее поколѣніе интересуется

политическими вопросами. Русское общество говоритъ о своемъ горѣ, о судьбѣ Россіи, но лишено возможности проявлять общественную жизнь. Въ газетахъ говорится о положеніи эмиграціи. Издающаяся въ Варшавѣ газета «За Свободу» очень распространена, также распространены газеты, издающіяся въ Парижѣ. Я видѣлъ распространяемыя среди русскаго населенія монархическія воззванія крайняго толка. Въ нашей гимназіи существуетъ маленькая библіотека, состоящая изъ пожертвованныхъ книгъ. Коверда, кажется, не пользовался книгами изъ этой библіотеки, такъ какъ она возникла въ серединѣ года. Коверда работалъ въ редакціи «Бѣлорусскаго Слова». Газету эту издастъ д-ръ Павлюкевичъ. На религіозныя темы я съ Ковердой не разговаривалъ. Его міровоззрѣніе мнѣ не извѣстно».

9. Свид. Брониславъ Друцкой-Подберезскій: «Я сотрудникъ еженедѣльника «Бѣлорусское Слово» и знаю Бориса Коверду съ апрѣля 1925 года, какъ человѣка трудолюбиваго, интеллигентнаго, нервнаго и честолюбиваго. Съ перваго дня знакомства я считалъ Коверду рѣшительнымъ противникомъ большевицкаго строя. Коверда обратился ко мнѣ съ просьбой о полученіи черезъ депутата Тарашкевича визы на выѣздъ въ Чехію или Россію. Я обратился къ депутату Тарашкевичу, но послѣдній отказалъ, говоря, что ничего не можетъ сдѣлать для полученія визы въ Прагу, такъ какъ чешское правительство не даетъ новыхъ стипендій, а визы въ Россію устраивать не можетъ, ибо на это не распространяются его связи. Это было въ прошломъ году, скорѣе въ 1926 году, чѣмъ въ 1925. Я до сихъ поръ работаю въ редакціи «Бѣлорусскаго Слова», Мы время отъ времени получаемъ русскія совѣтскія и эмигрантскія газеты. Получаемъ «Руль» и время отъ времени какія то парижскія газеты.

Сотрудники редакціи могли пользоваться этими газетами въ редакціи. Подсудимый Коверда имѣлъ доступъ къ этимъ газетамъ: онъ былъ корректоромъ и администраторомъ, а въ послѣднее время дѣлалъ выдержки изъ иностранныхъ газетъ и переводилъ ихъ на бѣлорусскій языкъ. Основной заработокъ Коверды составлялъ 150 злотыхъ въ мѣсяцъ. Не получивъ визы, Коверда жалѣлъ объ этомъ. Онъ нѣсколько разъ говорилъ, что не можетъ выйти изъ труднаго матеріальнаго положенія и не можетъ продолжать образованія въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится. Нервность Коверды усиливалась съ 1925 года. Чрезмѣрная нервность его разъ прявилась по поводу какой то мелочи: онъ хотѣлъ даже совершенно покинуть редакцію. Въ политическомъ отношеніи Коверда былъ противникомъ большевиковъ. Въ газетѣ «Бѣлорусское Слово» былъ отдѣлъ, посвященный русскому вопросу. Въ немъ отмѣчались случаи террора и давались картинки того, что творится въ Россіи. Вопроса о положеніи русской эмиграціи мы не затрагивали. Въ послѣднее время Коверда составлялъ выдержки изъ русской зарубежной печати: онѣ касались террора въ Россіи. Эти выдержки онъ дѣлалъ въ теченіе полугода. Въ нашихъ статьяхъ мы осуждали большевицкій строй. Въ послѣднее время Коверда очень часто выявлялъ свои политическія симпатіи».

Прокуроръ: «Не говорилъ ли свидѣтель съ Ковердой по вопросу о его переходѣ изъ бѣлорусской гимназіи въ русскую и о томъ, что онъ не окончилъ гимназію?»

Свидѣтель: «Объ этомъ мы говорили мелькомъ. Разговора о выѣздѣ Коверды въ Варшаву я не помню. Коверда говорилъ, что тутъ онъ не можетъ получить образованія и хочетъ поѣхать въ Россію, чтобы тамъ получить образованіе и легче его закончить. Я являюсь дѣятелемъ бѣлорусскаго лагеря.

Коверда дѣлалъ выдержки о террорѣ изъ газетъ «Сегодня», «Руль» и «Новое Время».

10. Свид. Климентій Агафоновъ, товарищъ Коверды по гимназіи, показалъ: «Коверда былъ противникомъ большевиковъ. Въ Вильнѣ онъ всегда выступалъ противъ нихъ. Былъ всегда скромнымъ и спокойнымъ. На политическія темы со мной не разговаривалъ. Мы читали парижскія газеты. Я учился съ Ковердой въ седьмомъ и восьмомъ классахъ виленской гимназіи Русскаго Общества. Отчего Коверда ушелъ изъ бѣлорусской гимназіи — не знаю. Коверда пересталъ ходить въ гимназію, потому что занялся работой въ редакціи. Внѣ гимназіи я встрѣчался съ Ковердой нѣсколько разъ на улицѣ. Когда въ Вильнѣ демонстрировалась кинематографическая картина «Волжскій бурлакъ», Коверда въ моемъ присутствіи сказалъ, что такія большевицкія картины не должны демонстрироваться и что слѣдовало бы, какъ въ Ригѣ, сорвать демонстрацію. Въ отношеніяхъ со своими товарищами Коверда не былъ разговорчивъ, скорѣе былъ замкнутъ. Однажды я получилъ отъ Коверды парижскій журналъ «Борьба за Россію». Случая нервности или рѣзкаго возбужденія Коверды я не помню».

11. Свид. Юрій Бѣлевскій, сынъ директора гимназіи и товарищъ Коверды по гимназіи, показалъ: «Объ убійствѣ Войкова ничего не знаю. О самомъ Ковердѣ могу сказать, что онъ мой близкій и хорошій другъ. Мы познакомились въ 7 классѣ русской гимназіи въ Вильнѣ въ 1925 году. Борисъ Коверда былъ набожнымъ, скромнымъ и симпатичнымъ. Мы его любили и уважали, такъ какъ онъ приходилъ въ гимназію усталый отъ работы. На его плечахъ лежала вся тяжесть содержанія семьи. Тяжелымъ трудомъ Борисъ Коверда содержалъ семью. Мы одновременно съ Борисомъ перешли въ 7-ой классъ, но изъ разныхъ учебныхъ заведеній.

Мы пробыли вмѣстѣ два года, но видѣлись сравнительно рѣдко, такъ какъ онъ пропускалъ уроки, будучи очень занятымъ работой. Борисъ мнѣ говорилъ, что цѣлыми днями онъ тяжело трудился въ редакціи, гдѣ онъ былъ экспедиторомъ, администраторомъ, корректоромъ и переводчикомъ на бѣлорусскій языкъ. Борисъ мнѣ разсказывалъ, что когда онъ поступилъ въ редакцію, тамъ не было служащаго, умѣющаго писать по бѣлорусски. Коверда дѣлалъ переводы. Разъ я встрѣтилъ Коверду на улицѣ, онъ былъ очень печаленъ и сказалъ, что ему предложено либо совершенно бросить работу, либо работать даромъ. Это было въ прошломъ году. Болѣе мѣсяца Коверда работалъ почти даромъ. Я считаю себя русскимъ, Коверда также. Коверда говорилъ, что очень и очень любитъ Родину. Говорилъ, что Родина находится въ очень тяжеломъ положеніи. Я наблюдалъ Коверду съ 1925 по 1927 годъ. Онъ всегда отличался спокойствіемъ, въ послѣднее время нервности я въ немъ не замѣчалъ и перемѣны его настроеній также не замѣтилъ».

12. Свид. Арсеній Павлюкевичъ показалъ: «Я знаю Коверду три года, онъ работалъ въ редакціи еженедѣльника «Бѣлорусское Слово», издателемъ котораго я являюсь. Коверда работалъ въ качествѣ экспедитора и корректора. Онъ былъ трудолюбивъ. Нервность въ немъ я замѣтилъ послѣ перенесенной имъ тяжкой болѣзни — скарлатины. Онъ былъ очень самолюбивъ и на почвѣ этого самолюбія у него бывали столкновенія съ сотрудниками въ редакціи. Въ «Бѣлорусскомъ Словѣ» онъ работалъ отъ начала существованія этой газеты. Получалъ онъ 150 злотыхъ въ мѣсяцъ. Мы пережили очень тяжелый денежный моментъ. Коверда зарабатывалъ 50-70 злотыхъ въ недѣлю. Въ матеріальномъ отношеніи ему было очень тяжело, такъ какъ онъ содержалъ всю семью. Затѣмъ положеніе улуч-

шилось и въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ Коверда получалъ около 100 злотыхъ за дополнительную работу. Зарабатывалъ онъ 150-250 злотыхъ въ мѣсяцъ. Литературнымъ трудомъ Коверда не занимался, такъ какъ былъ слишкомъ молодъ. Часто дѣлалъ переводы, былъ корректоромъ, интересовался религіознымъ отдѣломъ и вступалъ въ переписку съ методистами. Любилъ ходить въ церковь и выступалъ противъ методистовъ во имя православія. Соблюдалъ церковные обряды и ходилъ въ церковь на богослуженія. Свой переходъ изъ бѣлорусской гимназіи въ русскую Борисъ Коверда объяснялъ матеріальными соображеніями: тамъ нужно было платить, а тутъ онъ учился даромъ. Мы относились къ нему, какъ къ юношѣ. Взгляды его были неопредѣленными. Къ кому слѣдуетъ причислить Коверду въ національномъ отношеніи, къ бѣлоруссамъ или къ русскимъ—не знаю. Мы его называли Борисомъ и о національности не спрашивали. Въ прошломъ году съ нимъ произошелъ нѣкоторый переломъ. Борисъ говорилъ, что не вѣритъ въ успѣхъ Бѣлоруссіи и склонялся скорѣе къ нашему направленію. Все же я не могу установить, кѣмъ онъ себя считалъ: русскимъ или бѣлоруссомъ. Съ одной стороны — вліяніе русскаго отца, съ другой — матери и окружающихъ. Національное самосознаніе въ Ковердѣ не опредѣлилось. Въ отношеніяхъ съ сотрудниками редакціи у Коверды случались споры, о чемъ я говорилъ при допросѣ меня судебнымъ слѣдователемъ. Можетъ быть, это было послѣдствіемъ пережитой болѣзни, можетъ быть, это было вызвано вліяніемъ тяжелыхъ матеріальныхъ условій на его ученіе. Случилось однажды, что я на Пасху уѣхалъ на окраины. Все было готово для изданія и номеръ долженъ былъ выйти безъ меня. Коверда собирался куда-то на праздники. У насъ вышла тогда задержка съ деньгами и служащіе не получили де-

негъ. Коверда получилъ немного въ счетъ и не могъ поѣхать, куда собирался и не выѣхалъ совершенно. Служащіе надѣялись получить наградныя къ празднику. Борисъ Коверда получилъ меньше, чѣмъ то, на что разсчитывалъ, возмутился и хотѣлъ бросить газету, написалъ на мое имя рѣзкое письмо, но остальные служащіе его успокоили и онъ работы не бросилъ. Когда я вернулся, Борисъ обратился ко мнѣ съ просьбой о прощеніи, на что я отвѣтилъ, что мы объ этомъ поговоримъ потомъ. Коверда самъ обратился ко мнѣ и вторично просилъ прощенія. Я ему сказалъ, что онъ не долженъ былъ такъ поступать въ виду нашихъ хорошихъ отношеній. Онъ такъ расплакался, что я самъ началъ просить у него прощенія. Борисъ остался въ редакціи и продолжалъ хорошо работать. До болѣзни онъ не былъ такимъ нервнымъ, какъ послѣ нея. Послѣ болѣзни онъ сдѣлался настолько нервнымъ, что это было почти ненормальнымъ, особенно въ послѣдніе мѣсяцы. Можетъ быть, эта рѣзкая нервность была вызвана ходомъ его ученія. Въ прошломъ году Коверда хотѣлъ выѣхать въ Россію, но скрывалъ отъ меня, а на вопросъ о своемъ будущемъ отвѣтилъ, что хочетъ получить высшее образованіе въ Россіи, что разсчитываетъ на паденіе большевиковъ и можетъ оказаться тамъ полезнымъ! Въ теченіе послѣдняго года нервность его начала усиливаться. По мѣрѣ умственнаго развитія въ немъ рѣзко усиливались его антибольшевицкія настроенія. Въ нашей редакціи онъ могъ высказывать свои взгляды и это никого бы не удивило. Поступокъ Ковердыоказался, однако, для насъ неожиданнымъ, такъ какъ я не замѣтилъ, что онъ вступаетъ на путь, ведущій къ опасному поступку. Поступокъ Ковердывызванъ его антибольшевицкимъ настроеніемъ. Прежняя жизнь Ковердывызвала этотъ поступокъ; Коверда — человѣкъ, всегда державшійся вдали отъ своихъ

сослуживцевъ, искренній, способный на аффектъ. Въ послѣднее время онъ составлялъ выдержки изъ русскихъ газетъ. У насъ былъ отдѣлъ «СССР» и въ этомъ отдѣлѣ мы сообщали о наиболѣе яркихъ событіяхъ изъ большевицкой жизни. Отдѣлъ этотъ составлялъ Коверда, но руководили имъ г. Друцкой-Подберезскій и отчасти я. Коверда дѣлалъ выдержки изъ эмигрантскихъ русскихъ газетъ: «За Свободу», «Сегодня». О прошлой работѣ Коверды въ 1922 г. я ничего не знаю. О случаѣ пожертвованія имъ одного доллара я не помню, хотя знаю, что что-то такое было».

13. Свид. Альфонсъ Новаковскій показалъ: «Въ связи съ совершеніемъ покушенія на посланника Войкова я произвелъ обыскъ въ квартирѣ Бориса Коверды въ Вильнѣ. Обыскъ не далъ никакихъ результатовъ. Въ политическомъ отношени Борисъ Коверда пользовался хорошей репутаціей, ни къ какой политической организаціи не принадлежалъ. Обыскъ былъ произведенъ для установленія, не принадлежитъ ли Коверда къ монархической организаціи. Коверда ни въ какихъ отношеніяхъ съ мѣстными политическими дѣятелями не состоялъ и ни къ какой организаціи не принадлежалъ. Русская колонія въ Вильнѣ немногочисленна, монархистовъ среди нея около 100 человѣкъ. О связи Коверды съ монархической организаціей не было никакихъ данныхъ. Въ квартирѣ Коверды въ Вильнѣ мы нашли квитанцію въ полученіи казной Великаго Князя Николая Николаевича пожертвованнаго имъ одного доллара».

14. Свид. Ипполитъ Юдицкій, служащій одной изъ виленскихъ типографій, показалъ: «Объ убійствѣ Войкова ничего не знаю. Бориса Коверду знаю по типографіи, въ которую онъ приходилъ въ качествѣ корректора газеты «Бѣлорусское Сло-

во». Ближе я Коверду не зналъ. Револьвера ему не продавалъ».

Прокуроръ обратился съ посьбой о заданіи Ковердѣ вопроса, купилъ ли онъ у свидѣтеля Юдицкаго револьверъ и когда именно.

По предупрежденіи предсѣдателя о томъ, что ему принадлежитъ право не отвѣчать на вопросы и что молчаніе не будетъ считаться доказательствомъ вины, обвиняемый, Борисъ Коверда, заявилъ, что револьверъ онъ купилъ у свид. Юдицкаго полтора года тому назадъ.

Свид. Юдицкій на вопросъ предсѣдателя отвѣтилъ, что служилъ онъ въ Союзѣ Охраны Безопасности Государства, а въ арміи не служилъ.

15. Свид. Феликсъ Абрамовичъ заявилъ: «По распоряженію полицейскаго комиссара Новаковскаго, я разыскивалъ Юдицкаго, который скрылся. Объ убійствѣ посланника Войкова и подсудимомъ Ковердѣ ничего не знаю».

16. Свид. Ирина Коверда показала: «Я работала въ экспедиціи, куда меня устроилъ братъ Борисъ и получала за это деньги изъ редакціи. О большевикахъ съ братомъ не говорила. У насъ дома бывали такіе періоды, что продавалось все, такъ какъ не на что было жить. Было время, когда только братъ Борисъ насъ содержалъ».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.

Проф. Викторъ Г р ж и в о-Д о м б р о в с к і й сказалъ: «Посланникъ Войковъ скончался отъ огнестрѣльной раны лѣваго легкаго. Легкое было простр ѣлено и произошло внутреннее кровоизліяніе въ размѣрѣ 3600 куб. сант. Выстрѣлъ былъ данъ изъ короткаго огнестрѣльнаго оружія средняго калибра. Являющійся вещественнымъ доказательствомъ «Маузеръ» могъ быть этимъ оружіемъ. Кромѣ этой раны, Войковъ былъ раненъ спереди въ правый бокъ. Рана эта не нарушила кровеносныхъ сосудовъ и была легкой раной. Первая рана была безусловно смертельной. Пуля попала сзади, слегка сверху внизъ. Порядка выстрѣловъ установить невозможно, они произошли одинъ за другимъ въ короткій промежутокъ времени и даже разстоянія, на которомъ были произведены выстрѣлы, установить нельзя. Смерть наступила не сразу. Направленіе смертельнаго выстрѣла, даннаго сзади, говоритъ о томъ, что раненый былъ либо болѣе высокаго роста чѣмъ стрѣлявшій, либо, что раненый, послѣ перваго несмертельнаго выстрѣла, отвернулся и наклонился и вторично былъ раненъ сзади. Защита и борьба могли имѣть мѣсто. Признаковъ выстрѣловъ, данныхъ въ упоръ, не установлено. Патроны «Маузера» начинены бездымнымъ порохомъ и на разстояніи 20 сантиметровъ не оставляютъ слѣдовъ ожога. Въ виду того, что въ данномъ случаѣ выстрѣлы ра-

нили сквозь одежду, даже въ случаѣ стрѣльбы въ упоръ—слѣды пороха были бы на одеждѣ, а не на кожѣ. Что касается личности подсудимаго, то болѣзни, которыя онъ недавно пережилъ, т. е. скарлатина и дифтеритъ, могли вмѣстѣ съ неблагопріятными матеріальными условіями вызвать ослабленіе способностей владѣть собою».

Послѣ выслушанія показаній эксперта судъ возобновляетъ допросъ свидѣтелей.

17. Свид. Петръ Майдачевскій показалъ: «Бориса Коверду я зналъ съ начала т. г. Мы говорили съ нимъ о жизни въ Россіи, о переживаніяхъ и Коверда говорилъ, что они такъ подѣйствовали на его нервы, что онъ не можетъ успокоиться. Коверда говорилъ, что большевики угнетаютъ русскій народъ и погубили Россію».

18. Свид. Дмитрій Герасимовъ показалъ: «Съ Борисомъ Ковердой я познакомился послѣ новаго года. Его отношеніе къ большевицкому строю было отрицательное, а поведеніе большевиковъ въ Россіи производило на него сильное впечатлѣніе».

19. Свид. Василій Юженко: «Я познакомился съ Борисомъ Ковердой въ іюлѣ прошлаго года, работая въ качествѣ секретаря газеты «Бѣлорусское Слово». Частныхъ разговоровъ я съ нимъ не велъ. Коверда производилъ впечатлѣніе противника большевиковъ. Онъ возмущался актами большевицкаго террора».

20. Свид. священникъ Іосифъ Дзичковскій, духовникъ Коверды, дававшій свои показанія на русскомъ языкѣ, показалъ: «Я Коверду знаю, онъ мой ученикъ по русской гимназіи. Знаю его, какъ хорошаго ученика и христіанина. Борисъ Коверда былъ христіаниномъ не только на словахъ. Онъ относился къ Закону Божьему съ особеннымъ вниманіемъ. Посѣщалъ церковь. Я видѣлъ, что онъ въ семьѣ получилъ религіозное воспитаніе и этимъ

отличался онъ отъ остальныхъ моихъ учениковъ. Онъ бывалъ у исповѣди и Причастія. Въ послѣдній разъ онъ исповѣдывался у меня въпрошломъ году, я это хорошо помню. Въ текущемъ учебномъ году я былъ законоучителемъ въ гимназіи только до ноября. Я слышалъ, что на Пасху въ т. г. Коверда исповѣдывался и причащался».

21. Свид. Лидія Свитичъ показала: «Я живу въ одномъ домѣ съ Ковердой и знаю всю семью Коверда очень хорошо. Борисъ былъ исключительно хорошимъ ученикомъ и сыномъ: когда семья оказалась въ тяжеломъ положеніи,онъ самъ работалъ и зарабатывалъ на ея пропитаніе. Борисъ обладалъ мягкимъ характеромъ, нѣсколько первнымъ, былъ очень добросовѣстнымъ мальчикомъ. Я знала его только съ наилучшей стороны. Онъ учился въ бѣлорусской гимназіи, но дома у нихъ говорили всегда по-русски. Отношеніе Коверды къ большевикамъ всегда было отрицательное. Борисъ Коверда — примѣрный сынъ, добрый ребенокъ. О политическихъ убѣжденіяхъ его ничего не знаю».

По окончаніи допроса свид. Свитичъ, адв. Эттингеръ заявилъ что подсудимый желаетъ дать объясненія, но проситъ о назначеніи перерыва.

Предсѣдатель объявилъ перерывъ до шести часовъ вечера.

Многочисленная публика, переполнявшая залъ судебнаго засѣданія во время свидѣтельскихъ показаній, была нѣсколько разочарована, такъ какъ дѣйствительно показанія эти не соотвѣтствовали по формѣ и содержанію значенію дѣла. Большинство свидѣтелей очень волновалось и говорило тихимъ, сдавленнымъ голосомъ и только свидѣтели Л. Бѣлевскій и Павлюкевичъ вложили въ свои

характеристики Бориса Коверды много сердечности и теплаго участія.

Во время перерыва не только залъ засѣданія, но и все зданіе суда съ прилегающимъ къ нему дворомъ были совершенно очищены отъ публики и наново оцѣплены полиціей, которая приняла усиленныя мѣры предосторожности, въ виду полученныхъ свѣдѣній о томъ, что вечеромъ въ судѣ можетъ появиться случайный свидѣтель убійства Войкова—изгнанный изъ Лондона полпредъ Розенгольцъ. Входъ въ залъ засѣданія поэтому былъ обставленъ еще большими затрудненіями, чѣмъ съ утра, и не принадлежащіе къ составу суда и свидѣтелей лица пропускались лишь послѣ трехкратнаго предъявленія документовъ. Во все время перерыва и позже, вплоть до самаго объявленія приговора, передъ зданіемъ суда продолжали толпиться любопытные.

Засѣданіе суда возобновилось въ 6 час. 25 мин. вечера и судъ приступилъ къ заслушанію объясне. ній подсудимаго.

ПОКАЗАНІЕ ОБВИНЯЕМАГО.

Коверда поднялся со своего мѣста и громко, отчетливо, на польскомъ языкѣ заявилъ слѣдующее:

— Я хочу объяснить, какимъ образомъ я дошелъ до покушенія на большевицкаго посла Войкова. Большевицкій переворотъ засталъ меня ученикомъ реальнаго училища въ Самарѣ. Однажды, директоръ училища передъ выходомъ изъ школы собралъ насъ, учениковъ младшихъ классовъ, и предупредилъ, чтобы мы не шли домой по главнымъ улицамъ. Онъ сказалъ, что городъ занятъ красной гвардіей и что насъ могутъ побить за то, что мы носимъ форменныя фуражки. Я жилъ тогда въ поселкѣ Зубчаниновка, въ 17 верстахъ отъ Самары, и ѣздилъ ежедневно въ городъ. Я на желѣзной дорогѣ ежедневно былъ свидѣтелемъ безчинствъ, совершаемыхъ бандами демобилизованныхъ солдатъ-большевиковъ. Разъ я видѣлъ, какъ такая банда побила начальника станціи и бросила въ топку машиниста. Потомъ реальное училище закрылось и я жилъ въ Зубчаниновкѣ. Тамъ тоже я не разъ былъ свидѣтелемъ актовъ террора. Однажды—при мнѣ мучили священника, котораго увели куда то и я его больше не видѣлъ. Въ другой разъ—Зубчаниновку заняли красноармейцы. Они ходили по поселку въ поискахъ лошадей, и, увидѣвъ меня, спросили, гдѣ здѣсь лошади, и прибавили, что побьютъ меня, если я укажу неправильно. Началась гражданская война и послѣ чеховъ Самару заняли красные; и я опять

былъ свидѣтелемъ террора въ его полномъ объемѣ. Пошли разстрѣлы, грабежи, аресты.

Во время этихъ показаній Коверду постепенно охватило волненіе и послѣднія слова онъ проговорилъ почти плача. Но затѣмъ взялъ себя въ руки и продолжалъ совершенно спокойно и твердо:

— Черезъ годъ послѣ большевицкаго переворота наша семья возвращалась въ Вильну и по дорогѣ я опять вездѣ видѣлъ большевицкія безчинства. По дорогѣ въ Польшу я много слышалъ о че-ка. Я былъ малъ тогда, но я помнилъ, что былъ въ жизни какой-то порядокъ, а затѣмъ наступилъ хаосъ. Можетъ быть, со временемъ я бы все это забылъ, но въ Вильнѣ я въ теченіе двухъ лѣтъ былъ экспедиторомъ въ бѣлорусскихъ большевиствующихъ газетахъ. Я увидѣлъ, что эта работа ведется на червонцы, выкованные изъ церковныхъ цѣнностей. Хотѣли и меня втянуть въ эту работу, но я перешелъ въ полонофильскій «Громадскій Голосъ». Но и тогда я еще мало интересовался борьбой съ большевиками. И только перейдя въ организацію Павлюкевича, я началъ читать о совѣтской революціи, началъ читать газеты, въ томъ числѣ и совѣтскія, я прочелъ книгу Краснова, которая произвела на меня большое впечатлѣніе. Я читалъ статьи Арцыбашева, я читалъ и польскія книги, въ томъ числѣ и книгу о голодѣ, и я понялъ, кто виноватъ въ томъ, что положеніе Россіи дошло до того, что люди стали людоѣдами. Еще въ прошломъ году я хотѣлъ ѣхать для борьбы съ большевиками въ Россію. Я говорилъ объ этомъ моимъ друзьямъ. Не знаю, почему они умолчали объ этомъ здѣсь передъ судомъ. Но пришло время матеріальной нужды и мнѣ не удалось осуществить мой замыселъ. Но когда мое матеріальное положеніе укрѣпилось, я опять

началъ мечтать о борьбѣ и рѣшилъ поѣхать въ Россію легально. Я собралъ немного денегъ и пріѣхалъ въ Варшаву, а когда мнѣ было въ этомъ отказано, я рѣшилъ убить Войкова, представителя международной банды большевиковъ. Мнѣ жаль, что я причинилъ столько непріятностей моей второй родинѣ — Польшѣ. Вотъ въ газетахъ пишутъ, что я монархистъ. Я не монархистъ, а демократъ. Мнѣ все равно: пусть въ Россіи будетъ монархія или республика, лишь бы не было тамъ той банды негодяевъ, отъ которой погибло столько русскаго народа.

Это заявленіе Коверда произнесъ при напряженномъ вниманіи всѣхъ присутствовавшихъ.

Предсѣдатель обратился къ сторонамъ съ вопросомъ о томъ, чѣмъ желаютъ онѣ дополнить судебное слѣдствіе.

Прокуроръ обратился къ суду съ просьбой задать подсудимому слѣдующіе вопросы: 1) почему онъ зналъ Войкова и какимъ образомъ оріентировался, что стрѣляетъ именно въ него и 2) откуда зналъ, что Войковъ будетъ на вокзалѣ.

Въ отвѣтъ на эти вопросы подсудимый, предупрежденный о томъ, что онъ можетъ не отвѣчать и что молчаніе не будетъ почитаться доказательствомъ вины, заявилъ: «Я зналъ Войкова по фотографіямъ, печатавшимся въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, я видѣлъ его въ совѣтскомъ консульствѣ. О томъ, что Войковъ долженъ быть на вокзалѣ, я узналъ изъ газетъ — я прочелъ, что Войковъ выѣзжаетъ въ Москву. Я зналъ, что есть только одинъ скорый поѣздъ, отходящій въ совѣтскую Россію въ 9 час. 55 мин. утра, и зналъ, на какомъ пути этотъ поѣздъ стоитъ. Я хочу еще прибавить, что я убилъ Войкова не какъ посланника, а какъ члена коминтерна».

Адвокатъ Недзѣльскій обратился къ

суду съ просьбой задать подсудимому вопросъ о томъ, не помнитъ ли онъ, какая послѣдняя прочитанная имъ книга произвела на него рѣшающее впечатлѣніе.

На этотъ вопросъ, предупрежденный предсѣдателемъ о правѣ не давать на него отвѣта, подсудимый Коверда отвѣтилъ: «Послѣдняя книга, которую я читалъ, были «Записки Писателя» Арцыбашева.

Защитникъ Андреевъ обратился къ суду съ просьбой о присоединеніи этой книги къ дѣлу и о разрѣшеніи защитѣ ссылаться на нее.

Прокуроръ заявилъ, что экземпляръ этой книги (найденный въ вещахъ Коверды) былъ предметомъ осмотра по настоящему дѣлу и отмѣтилъ, что ссылки на «Записки Писателя» вообще не имѣютъ никакого значенія, но экземпляръ книги съ собственноручными отмѣтками Коверды свидѣтельствуетъ о его психологіи и потому противъ присоединенія этого экземпляра къ дѣлу онъ не возражаетъ.

Защитникъ Андреевъ заявилъ, что отказывается отъ своей предшествовавшей просьбы и проситъ о присоединеніи къ дѣлу принадлежащаго Ковердѣ экземпляра, прибавляя, что по словамъ Коверды экземпляръ этотъ былъ у него отобранъ вмѣстѣ съ остальными его вещами.

Судъ постановилъ: опредѣлить содержаніе пакета, заключающаго часть вещественныхъ доказательствъ, а именно, какъ выяснилъ осмотръ:

1) Дѣло Виленскаго Окружнаго Суда въ Вильнѣ Уг. № 289/25 о Іонѣ Тененбаумѣ, онъ же Кауль Вальтеръ, онъ же Янъ Рейнеръ, Арсеніи Канцевскомъ и Алексѣѣ Сологубѣ, обвиненныхъ по ст. 102 ч. I Уг. Код.

2) Книгу Арцыбашева «Записки Писателя»

съ подписью на первой страницѣ карандашемъ «Борисъ Коверда» на русскомъ языкѣ и съ различными подчеркнутыми мѣстами и приписками въ текстѣ.

3) Нѣсколько экземпляровъ, издающейся въ Ригѣ, газеты «Сегодня» за 1925 годъ.

4) Папку, содержащую: а) конвертъ съ квитанціей въ полученіи одного доллара и двумя фотографіями Бориса Коверды, б) справку объ ученикѣ 7-го класса виленской 8-миклассной гимназіи Русскаго Общества, в) метрическое свидѣтельство о рожденіи Бориса Коверды, г) заполненныя Ковердой въ русскомъ (совѣтскомъ) консульствѣ анкеты и его же прошеніе въ это консульство.

5) Книгу Ант. Стародворскаго п. н. «Совѣцка Реформа Ролына» («Совѣтская Земельная Реформа») съ надписью на обложкѣ по-польски «Ратунку» и по-русски — «Помоги».

Чрезвычайный Судъ постановилъ: присоединить къ дѣлу: 1) протоколъ осмотра и вскрытія трупа посланника Войкова (стр. 16-20, актъ С. С. I.), 2) протоколъ осмотра чемодана Бориса Коверды (стр. 14 а. С. С. I), 3) протоколъ осмотра отобранныхъ у Коверды револьвера и патроновъ (стр. 59 а. С. СЛ), 4) протоколъ осмотра бумагъ, документовъ, книгъ и газетъ (стр. 67-67 а. С. С. I) и разрѣшить сторонамъ ссылаться на нихъ.

ДОПРОСЪ РОЗЕНГОЛЬЦА.

Судебный приставъ сообщилъ, что свид. Аркадій Розенгольцъ, повѣренный въ дѣлахъ СССР, прибылъ въ судъ.

Мы нѣсколько ниже приводимъ показанія Розенгольца въ той протокольной формѣ, въ которой они зафиксированы въ польскомъ изданіи, съ котораго мы дѣлаемъ настоящій переводъ, но прежде, чѣмъ сдѣлать это, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ характерныхъ подробностяхъ появленія Розенгольца въ варшавскомъ судѣ на процессѣ Ковердy.

Польская брошюра почему то умалчиваетъ о томъ, что въ 7 час. веч. судъ объявилъ перерывъ, который долженъ былъ быть краткимъ, такъ какъ о пріѣздѣ Розенгольца въ Варшаву было уже извѣстно и ждали только его пріѣзда въ судъ. Но бывшій лондонскій полпредъ заставилъ себя ждать. Онъ пріѣхалъ въ судъ только въ 8 час. 45 мин. веч.

Ожиданіе это прошло въ залѣ суда въ томительной атмосферѣ. Самъ Борисъ Ковердa сохранялъ все время спокойствіе, улыбаясь бесѣдовалъ со своими защитниками, но въ публикѣ замѣтна была извѣстная нервность. Хотя господствовало общее убѣжденіе въ томъ, что судъ не можетъ приговорить Коверду къ смертной казни, теоретически эта возможность все же существовала и казалась нѣкоторымъ не исключенной въ той напряженной политической обстановкѣ, которая по-

слѣ убійства Войкова создалась въ польско-совѣтскихъ отношеніяхъ.

Когда судъ занялъ свои мѣста и предсѣдатель обратился къ судебному приставу со словами: «Введите свидѣтеля Розенгольца», всѣ глаза обратились къ двери въ глубинѣ зала, черезъ которую вошелъ въ него невысокій, плотный, хорошо одѣтый и еще не старый брюнетъ — изгнанный изъ Англіи совѣтскій представитель, по пути въ Москву присутствовавшій при убійствѣ Войкова.

Побывавъ въ Москвѣ, Розенгольцъ нѣсколько оправился отъ того паническаго страха, въ которомъ онъ находился въ день убійства Войкова, но все же въ судъ онъ прибылъ въ сопровожденіи усиленной охраны: нѣсколько польскихъ полицейскихъ и нѣсколько гепистовъ изъ полпредства привезли его въ закрытомъ автомобилѣ въ судъ, провели сквозь ряды публики къ свидѣтельской скамьѣ и никого не подпускали къ нему до того момента, когда, во время рѣчи защитника Недзѣльскаго, Розенгольцъ поднялся со своего мѣста и въ сопровожденіи своей полицейской свиты и совѣтскихъ «журналистовъ», Братина и Ковальскаго, вышелъ изъ зданія суда.

Польская брошюра передаетъ показанія Розенгольца слѣдующимъ образомъ:

На вопросъ предсѣдателя, обращенный къ свидѣтелю, о томъ, понимаетъ ли онъ по-польски, свид. Розенгольцъ далъ отрицательный отвѣтъ. Въ виду того, что свид. Розенгольцъ не понимаетъ по-польски, чрезвычайный судъ постановилъ вызвать въ качествѣ переводчика чиновника канцеляріи предсѣдателя варшавскаго окружнаго суда Климентія Шероноса.

Стороны выразили согласіе на допросъ свид. Розенгольца на основаніи ст. 713 Уст. Уг. Судопр.

и освободили переводчика отъ присяги на основаніи той же статьи.

Чрезвычайный Судъ постановилъ: допросить свид. Аркадія Розенгольца безъ присяги, на основаніи ст. 713 Уст. Уг. Судопр., и, на основаніи той же статьи, освободить отъ присяги эксперта-переводчика.

Свид. Аркадій Розенгольцъ показалъ черезъ переводчика на русскомъ языкѣ слѣдующее: «Изъ Берлина я увѣдомилъ по телеграфу посланника Войкова о томъ, что буду въ Варшавѣ. Посланникъ Войковъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ вмѣстѣ съ сотрудникомъ полпредства Григоровичемъ. Узнавъ отъ меня, что я ни въ чемъ не нуждаюсь и никакихъ порученій Григоровичу давать не собираюсь, посланникъ Войковъ Григоровича отослалъ. Съ посланникомъ Войковымъ мы сперва зашли въ вокзальный буфетъ, затѣмъ посланникъ Войковъ показалъ мнѣ свой автомобиль, послѣ чего мы вернулись на вокзалъ. Мы шли по перрону и разговаривали. Посланникъ Войковъ сказалъ мнѣ: «Чтобы узнать страну, надо прожить въ ней нѣсколько лѣтъ...» Въ этотъ моментъ мы услышали гдѣ то совсѣмъ близко нѣсколько выстрѣловъ. Не знаю, стрѣлялъ ли убійца спереди или сзади. Когда раздались выстрѣлы, всѣ разбѣжались. Я отошелъ въ сторону, обернулся и увидѣлъ посланника Войкова, который бѣжалъ въ направленіи, противоположномъ тому, по которому мы шли. Я не полагалъ, что въ Варшавѣ возможно такое преступленіе и что это стрѣляютъ въ посланника Войкова. Вслѣдъ за Войковымъ бѣжалъ какой-то человѣкъ съ револьверомъ и стрѣлялъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Войковъ остановился, выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ два раза въ нападавшаго, потомъ заколебался и упалъ на руки подбѣжавшаго полицейскаго. Убійца, отбѣгая, про-

дѣлывалъ какія-то манипуляціи съ револьверомъ. У меня создалось впечатлѣніе, что онъ хочетъ его вторично зарядить. Онъ сдался подбѣжавшимъ полицейскимъ, поднявъ револьверъ вверхъ. Посланника Войкова мы перенесли въ одно изъ помѣщеній вокзала, затѣмъ перевезли его въ каретѣ скорой помощи въ госпиталь, гдѣ онъ скончался въ моемъ присутствіи. Я обмѣнялся съ Войковымъ нѣсколькими словами, послѣ того, какъ онъ былъ раненъ на вокзалѣ. Войковъ жаловался, что ему тяжело лежать на спинѣ, присѣлъ, но ему сдѣлалось еще хуже. Затѣмъ онъ попросилъ вызвать двухъ профессоровъ, которыхъ назвалъ. Ни о причинѣ убійства, ни о личности убійцы мы съ Войковымъ не говорили. На вокзалѣ я слышалъ сказанное убійцей одному изъ полицейскихъ слово «Русь».

По окончаніи этого допроса, председатель обратился къ сторонамъ съ вопросомъ, не желаютъ ли они какого-либо дополненія слѣдствія. Стороны никакихъ пожеланій по этому вопросу не высказали.

Защитникъ Андреевъ отъ имени защиты обратился къ суду съ просьбой о перенесеніи преній сторонъ на слѣдующій день. Остальные защитники присоединились къ этой просьбѣ.

Председатель разъяснилъ, что судебное слѣдствіе закончено и что просьба защиты не можетъ быть удовлетворена, такъ какъ составъ суда принимаетъ участіе въ разсмотрѣніи одного дѣла въ пятницу и долженъ къ этому подготовиться.

По окончаніи преній сторонъ, текстъ которыхъ приводится нами ниже, судъ предоставилъ Ковердѣ право послѣдняго слова, отъ котораго Коверда отказался, а затѣмъ въ 11 час. 45 мин. удалился на совѣщаніе, продолжавшееся до 12 час. 35 мин. По

окончаніи этого совѣщанія, предсѣдатель суда огласилъ приговоръ, текстъ котораго нами также приводится, присовокупивъ, что приговоръ этотъ является окончательнымъ и обжалованію не подлежитъ.

ПРЕНІЯ СТОРОНЪ

РѢЧЬ ПРОКУРОРА КАЗИМИРА РУДНИЦКАГО

Господа судьи! Трагизмъ разсматриваемаго сегодня дѣла усиливается несомнѣнно въ значительной степени вслѣдствіе того обстоятельства, что посланникъ великой державы, русскій по національности, убитъ на чужой для него территоріи 19-лѣтнимъ гимназистомъ, также русскимъ по національности. Ибо Коверда безусловно является русскимъ. Онъ является русскимъ не только по происхожденію, не только по языку, не только по вѣроисповѣданію, которое, какъ мы слышали, является для него чѣмъ то большимъ, чѣмъ простая отмѣтка въ паспортѣ, но прежде всего по одушевляющей его экзальтированной, плохо понятой, ведущей на невѣрные пути, но тѣмъ не менѣе глубокой любви къ своей родной странѣ.

Польскій гражданинъ, воспитанный на польской территоріи, считающей Польшу, по собственному заявленію, своей второй родиной, онъ, хотя и жалѣетъ о вредѣ, нанесенномъ Польшѣ своимъ поступкомъ, не сомнѣвается, однако, въ томъ, что вредъ этотъ оправдывается полезнымъ, въ его глазахъ, его первой родинѣ поступкомъ. Мать его говоритъ о возвращеніи въ Польшу, какъ о возвращеніи на родину; для нея Вильна, гдѣ она прожила долгіе годы, гдѣ она родилась, гдѣ создалась ея нынѣшняя семья, это родина, къ которой она стремится и на которой желаетъ жить. Для ея сына ро-

диной является Россія, а самъ онъ въ собственныхъ глазахъ — эмигрантъ съ этой родины, изгнанникъ, тоскующій по ней, думающій о ея величіи и могуществѣ, безпокоящійся о ея судьбѣ.

И на какіе бы ошибочные пути ни привела бы его эта любовь, мы не можемъ не принять во вниманіе той правды, что любовь эта въ немъ живетъ, управляетъ его неопытнымъ разумомъ, направляетъ его ошибочные, преступные шаги.

Но, господа судьи, мы не можемъ считать убійство посланника Войкова споромъ между нынѣшней и будущей Россіей или между Россіей сегодняшняго и Россіей вчерашняго дня и тѣмъ болѣе не можемъ стать на ту точку зрѣнія, что приговоръ нашъ долженъ разрѣшить великій процессъ между двумя частями одного народа. Мы ни на минуту не можемъ останавливаться надъ вопросомъ, кто правъ: нынѣшніе ли правители Россіи, или та эмиграція, которая, усталая и возмущенная, какъ каждый, лишенный родины человѣкъ, желаетъ ввести въ Россіи какой-то новый порядокъ. Мы не можемъ разрѣшать этого спора и касаться его не только потому, что никто изъ современниковъ не въ состояніи рѣшить, на чьей сторонѣ правда въ великихъ историческихъ переворотахъ, но еще и потому, что это споръ русскихъ съ русскими, споръ въ чужомъ государствѣ, борьба силъ въ чужомъ общественномъ организмѣ.

Мы не можемъ также поднимать вопроса о томъ, былъ ли или не былъ террористическій поступокъ Коверды вызванъ и оправданъ терроромъ въ Россіи. Мы не можемъ ставить этого вопроса такъ, какъ поставилъ его русскій писатель, книжка котораго была для Коверды постояннымъ и направляющимъ чтеніемъ. Мы не можемъ спрашивать, кто «первый» началъ примѣнять терроръ. Терроръ не исчерпываетъ содержанія революцій, онъ является

лишь слишкомъ часто примѣняемымъ методомъ борьбы, и я думаю, что исторія, указывая на достиженія или отдавая должную дань революціоннымъ переворотамъ, никогда не найдетъ словъ оправданія для террора. Конечно, терроръ не перечеркиваетъ достиженій великой французской революціи, но все то, чего эта революція добилась для человѣка и гражданина, не освящаетъ и не оправдываетъ гибели тысячъ человѣческихъ существованій.

Террористическій актъ всегда является преступленіемъ, человѣческій судъ долженъ его преслѣдовать и карать виновныхъ.

И оставляя въ сторонѣ тѣ факторы, о которыхъ я упоминалъ и которые могли бы нарушить спокойствіе, необходимое для вынесенія приговора, мы должны заняться сегодняшнимъ дѣломъ, какъ дѣломъ объ убійствѣ посланника Петра Войкова Борисомъ Ковердой.

Съ такимъ подходомъ къ вопросу очень сильно соединяется мысль о вѣчной, никогда не умолкающей человѣческой гордынѣ. Коверда убилъ за Россію, говоря этимъ, что стрѣляетъ отъ имени Россіи. Право выступленія отъ имени народа онъ присвоилъ. Никто его не уполномачивалъ ни на борьбу отъ имени Россіи, ни на месть отъ ея имени. Онъ узурпировалъ это право говорить отъ имени народа, или, по крайней мѣрѣ, отъ имени той его части, которую онъ считаетъ народомъ. Онъ самъ принялъ на свои плечи тяжесть преступленія, не находящагося ни въ чьихъ интересахъ, ничего не разрѣшающаго, ничего не начинающаго и ничего не кончающаго. Если бы мы хотѣли воспользоваться простымъ сравненіемъ и представить великія волны историческихъ процессовъ въ образѣ морскихъ волнъ, которыя, ударяясь о берегъ, вырываютъ въ немъ все новыя линіи и формы, то мы должны были бы считать Коверду одной изъ тѣхъ мелкихъ

капель воды, однимъ изъ тѣхъ атомовъ, которые составляютъ волны, но являются лишь ихъ мельчайшей частицей, такой частицей, которую волна несетъ, бросаетъ ее, пользуется ею, какъ своимъ орудіемъ... Ковердѣ казалось, что въ его власти измѣнить направленіе волнъ своимъ чувствомъ, своей мыслью и своимъ поступкомъ. Въ немъ заговорила извѣчная гордыня человѣческой личности. Онъ забылъ о тѣхъ великихъ и таинственныхъ силахъ, которыя управляютъ ходомъ исторіи, о скрещеніи всѣхъ тѣхъ вліяній, свидѣтелями результата котораго мы являемся, не понимая одновременно, вслѣдствіе какихъ законовъ онъ возникаетъ. Ковердѣ показалось, что онъ, безконечно малая частица, сможетъ измѣнить бѣгъ волны, укрѣпить ея силу, уничтожить отпоръ прибрежныхъ скалъ. Онъ повѣрилъ, что ему извѣстна правда, что онъ является выразителемъ этой правды, ея законодателемъ и мечемъ. Онъ забылъ о томъ, что даже величайшіе человѣческіе умы не познавали исторической правды въ моменты возникновенія историческихъ перемѣнъ, а что же говорить о его наполовину юношеской, несерьезной мысли. Онъ забылъ, наконецъ, что для того, чтобы судить о своей странѣ, чтобы осуждать тѣхъ людей, которые являются ея выразителями въ данный историческій моментъ, необходимо жить въ этой странѣ, быть свидѣтелемъ событій, вдумываться и проникать чувствомъ въ чужіе поступки и быть неслыханно осторожнымъ, какъ въ осужденіи, такъ и въ похвалѣ... Такъ же трудно различить, что является непреодолимой исторической необходимостью, а что — злой человѣческой волей, какъ легко быстро осудить и скоро — совершить актъ мести.

И такъ, какъ въ той великой волнѣ, которая подтачиваетъ гранитъ, лишь малой частицей былъ покойный посланникъ Войковъ, такъ же малой

частицей является подсудимый. Въ хаосѣ страшнаго циклона, въ борьбѣ стихій, разыгралась драма двухъ атомовъ. Они столкнулись и въ этомъ столкновеніи разбились. Одинъ физически, другой морально. Какова будетъ судьба бренной жизни этого второго — разрѣшите вы, господа судьи!

И мы должны принять во вниманіе только это столкновеніе двухъ атомовъ, на которое я уже столько разъ указывалъ, мы должны познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что вліяло на душу Коверды, что вызвало его поступокъ, чтобы опредѣлить за этотъ поступокъ соотвѣтствующее наказаніе.

Прежде всего, мы должны заняться расмотрѣніемъ вопроса о томъ, было ли преступленіе, совершенное Ковердой, слѣдствіемъ заговора какой либо организаціи или слабо между собою связанныхъ, но дѣйствующихъ сообща нѣсколькихъ лицъ. Обыски, произведенные среди русскихъ эмигрантовъ, у лицъ, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ казались полиціи подозрительными, не дали никакихъ результатовъ. Ни въ Вильнѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Бѣлостокѣ не были обнаружены никакія нити, связывающія Коверду съ кѣмъ либо, кто могъ бы быть его вдохновителемъ или помощникомъ въ его кровавомъ поступкѣ. Очевидно, что эти негативныя данныя не исключаютъ возможности существованія распространеннаго террористическаго заговора противъ представителей СССР въ Польшѣ. По моему, однако, эту возможность исключаютъ обстоятельства, предшествовавшія покушенію и сопровождавшія его выполненіе. Коверда, какъ извѣстно, прибылъ въ Варшаву 23 мая, слѣдовательно —за двѣ недѣли до убійства. Онъ остановился первоначально на одну ночь въ гостиницѣ «Асторія», а затѣмъ въ теченіе двухъ недѣль снималъ уголъ, платя злотый за каждую ночь, безъ прописки, въ убогой квартирѣ Фенигштейнъ. Развѣ организа-

ція, своевременно обдумывающая покушеніе и заботящаяся объ его исходѣ, не снабдила бы своего представителя возможностью легальнаго пребыванія въ Варшавѣ, давъ ему хотя бы поддѣльный паспортъ — котораго, какъ мы знаемъ, у Коверды не было совершенно — и значительную сумму денегъ, облегчающую, можетъ быть, трудное, но во всякомъ случаѣ, возможное бѣгство. Между тѣмъ, денегъ, какъ мы знаемъ, въ день покушенія Коверда не имѣлъ. Развѣ организація, затѣмъ, не сдѣлала бы попытки облегчить ему бѣгство, хотя бы приготовивъ автомобиль? А вѣдь мы знаемъ, что Коверда послѣ покушенія не сдвинулся съ мѣста, спокойно ожидая, пока полиція подойдетъ и арестуетъ его. Очевидно, что о бѣгствѣ его никто не думалъ, что съ точки зрѣнія заговора невѣроятно, хотя бы во имя безопасности другихъ заговорщиковъ, которыхъ власти могли бы разыскать, имѣя въ своихъ рукахъ физическаго выполнителя покушенія. Поведеніе Коверды по отношенію къ посольству въ высшей степени неумное со стороны заговорщика. Онъ почти ежедневно бывалъ въ консульствѣ, ходатайствуя о безплатномъ проѣздѣ въ Россію, гдѣ, какъ онъ намъ здѣсь говорилъ, онъ имѣлъ намѣреніе вести борьбу съ правительствомъ. Такіе почти ежедневные визиты давали возможность замѣтить и запомнить его, могли вызвать подозрѣніе, могли вызвать интересъ къ его личности и намѣреніямъ, могли довести до раскрытія заговора, если бы за спиной Коверды былъ заговоръ, и до предотвращенія покушенія. А между тѣмъ до I іюня, до даты окончательнаго отказа со стороны консульства, Коверда не скрывая своей фамиліи находится тамъ, оставляетъ свою фотографію, однимъ словомъ, поступаетъ такъ, какъ поступать заговорщику нельзя, какъ ни одинъ заговорщикъ не поступаетъ. Наконецъ, самое покушеніе на посланника Войкова произведе-

но имъ въ очень неудобныхъ для этого условіяхъ. Основываясь на газетныхъ сообщеніяхъ, Коверда ежедневно поджидаетъ Войкова въ теченіе нѣсколькихъ дней на одномъ и томъ же мѣстѣ, совершенно не зная, когда произойдетъ предполагавшійся отъѣздъ посланника въ Москву, и произойдетъ ли онъ вообще. А, между тѣмъ, для людей, хоть немного знающихъ образъ жизни посланника, могло быть извѣстнымъ, что его легко встрѣтить — какъ это показалъ свид. Григоровичъ — безъ всякой охраны, то гуляющимъ по улицѣ, то управляющимъ автомобилемъ, то ѣздящимъ въ моторной лодкѣ по Вислѣ. Возможность встрѣчи съ посланникомъ въ теченіе четырехъ или пяти дней была болѣе вѣроятной гдѣ бы то ни было, чѣмъ на главномъ вокзалѣ, день прибытія посланника на который былъ неизвѣстенъ, а возможность бѣгства послѣ покушенія — очень не велика.

Всѣ эти внѣшнія обстоятельства, сопутствующія покушенію, указываютъ несомнѣнно на то, что Коверда совершилъ его одинъ, безъ чьей нибудь посторонней помощи.

Что, однако, вызвало это страшное рѣшеніе подсудимаго, что толкнуло его на поступокъ, неожиданный для поляковъ и для тѣхъ, кого онъ коснулся?

Очевидно, что годы, прожитые Ковердой въ Россіи, не были причиной этого. Гражданская война въ Россіи оставила въ немъ туманныя воспоминанія, не непосредственныя впечатлѣнія отъ тѣхъ ужасовъ, съ которыми связана всякая гражданская война. Такія воспоминанія могли бы запасть въ его душу очень глубоко, если бы онъ переживалъ ихъ непосредственно, если бы онъ собственными глазами видѣлъ пролитіе братской крови. Но, какъ мы знаемъ, самыя страшныя вещи доходили до него, 13-14 лѣтняго мальчика, лишь въ формѣ разска-

зовъ. Его собственныя переживанія, особенно въ той наивной формѣ, въ которой онъ о нихъ сегодня намъ говорилъ, совершенно лишены признака глубокой трагедіи. Эти дѣтскія непріятности, какъ снятіе ученической шапки, какъ угроза избіенія въ случаѣ невѣрныхъ указаній, даже какъ закрытіе школы, которую онъ посѣщалъ, могли, несомнѣнно, глубоко запасть въ душу ребенка и жить въ ней, какъ непріятныя, раздражающія воспоминанія, но они не могутъ быть тѣмъ матеріаломъ, который самъ по себѣ въ состояніи вызвать катастрофическій взрывъ. Мнѣ кажется, что другой факторъ воспитывалъ душу Коверды и заботливо развивалъ въ ней элементы ненависти и мести. Этимъ элементомъ была та литература, вѣрнѣе журналистика, которой Коверда питался въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Онъ рано началъ жить въ мірѣ газетныхъ, всегда подбираемыхъ къ направленію газеты, свѣдѣній. Мы вѣдь знаемъ, что въ послѣднее время онъ, кромѣ чисто технической работы, выполнялъ для газеты, въ которой работалъ, особыя выдержки, касающіяся тѣхъ мрачныхъ событій, которыя, по мнѣнію большой части прессы, а особенно эмигрантской, составляютъ содержаніе жизни современной Россіи. Я сказалъ сегодня: чтобы судить свою страну, надо жить въ ней, въ ней работать, въ ней страдать. Нельзя, однако, судить ее, живя въ атмосферѣ печатнаго слова, газетныхъ замѣтокъ и эмигрантскаго раздраженія, ибо судъ этотъ никогда не будетъ глубокимъ и вѣрнымъ. Та искусственная атмосфера, въ которой билось сердце Коверды, не могла не образовывать его мысли и воли. Живя въ состояніи постояннаго возбужденія, Коверда однажды вернулся къ воспоминаніямъ дѣтства, о которыхъ говорила намъ его мать, захотѣлъ стать, какъ герой его мечты, Сусанинъ, спасителемъ гибнущей Россіи и начать борьбу съ тѣми, кого онъ

безапелляціонно считалъ ея врагами и угнетателями. Реально мысль эту онъ ясно себѣ не представлялъ. Либо выѣздъ въ Россію и тамъ — какая-то организація, какое то объединеніе единомышленниковъ, а, можетъ быть, только какіе нибудь террористическіе акты, либо, въ случаѣ невозможности выѣзда, какое то убійство, необходимое для пробужденія пассивной, по мнѣнію Коверды, эмиграціи. Хаосъ мысли, насыщенный тяжкимъ запахомъ крови. Если мы прибавимъ, что его экзальтированная и фанатическая природа, не могущая найти никакой благородной формы для осуществленія своихъ мечтаній о служеніи Родинѣ и видящая это служеніе прежде всего въ совершеніи преступленія, столкнулась съ книгой, написанной, можетъ быть, съ болью въ сердцѣ, но полной, съ одной стороны, ненависти къ людямъ современной Россіи и, съдругой,индульгенціи для каждой мысли и каждаго дѣйствія, направленнаго противъ этихъ людей, то мы должны безусловно признать, что не русская дѣйствительность, а ея отраженіе въ зеркалѣ журналистики было тѣмъ факторомъ, который вызвалъ смерть посланника Войкова.

Въ психикѣ Коверды, въ его впечатлительности, мы должны искать отвѣта на вопросъ, превосходилъ ли кровавый поступокъ его душевныя силы, могъ ли онъ родиться на ихъ почвѣ или долженъ былъ кто-то Коверду настраивать. Я утверждаю, что въ неуспокоившейся до сегодняшняго дня атмосферѣ русскихъ взаимообвиненій и борьбы, экзальтированая и неуравновѣшанная душа Коверды самостоятельно выковала проектъ убійства.

Я могу не останавливаться пространно на юридическомъ опредѣленіи поступка. Фактъ, что убійство посланника Войкова произошло на основѣ продолжительныхъ размышленій о необходимости примѣненія террора по отношенію къ отдѣльнымъ

лицамъ, находящимся у власти въ совѣтской Россіи, что конкретный планъ существовалъ въ мысляхъ Коверды въ теченіе нѣсколькихъ дней, что онъ систематически искалъ встрѣчи со своей жертвой, что, наконецъ, послѣ самаго факта убійства онъ не выражалъ никакихъ признаковъ того возбужденія, о которомъ говоритъ ст. 458 Уг. Код., позволяетъ мнѣ съ полной рѣшительностью и безъ колебанія установить, что иной квалификаціи, чѣмъ та, которую предусматриваетъ ст. 453 Уг. Код., въ данномъ случаѣ быть не можетъ. Безусловно слѣдуетъ исключить квалификацію ст. 467 второй части Уг. Код.

Цѣль Коверды была такъ несомнѣнна, его стремленіе лишить посланника Войкова жизни установлено съ такой безусловностью, что нельзя допустить возможности квалификаціи поступка Коверды, какъ тяжкаго раненія со смертельнымъ исходомъ.

Вопреки сообщеніямъ, распространяемымъ нѣкоторыми иностранными газетами о томъ, что посланникъ Войковъ скончался вслѣдствіе запоздалой и недостаточной медицинской помощи, слѣдуетъ констатировать, что Скорая Помощь, вызванная немедленно послѣ покушенія, прибыла черезъ десять минутъ послѣ выстрѣла. Посланникъ Войковъ, немедленно перевезенный въ госпиталь Младенца Іисуса, былъ перенесенъ въ операціонную залу, гдѣ тутъ же, передъ началомъ операціи, скончался въ 10 ч. 40 мин., т. е. черезъ неполныя 50 минутъ послѣ раненія.

Если же мы затронемъ вопросъ о подсудности дѣла чрезвычайному суду, то очевидно, что сомнѣнія, кромѣ разрѣшеннаго вопроса о квалификаціи преступленія, можетъ вызывать только то обстоятельство, что посланникъ Войковъ не былъ государственнымъ служащимъ Рѣчи Посполитой Польской, а представителемъ иностранной державы.

Прежде всего, мы должны констатировать, что въ текстѣ распоряженія совѣта министровъ отъ 28 декабря 1926 года предусмотрѣно преданіе чрезвычайному суду за убійство «офиціальнаго лица». И вотъ, можетъ возникнуть вопросъ, пользуются ли особой защитой лишь офиціальныя лица Польскаго государства, или всякаго другого государства, поскольку они сдѣлались предметомъ покушенія по поводу или во время исполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Изъ объясненій Коверды ясно, что онъ убилъ посланника Войкова именно какъ представителя совѣтской власти. Должность и обязанности посланника иностранной державы не могутъ быть приняты и выполняемы безъ соизволенія той власти, которая правитъ государствомъ, въ которое назначенъ посланникъ. Въ Польшѣ, согласно конституціи, посланникъ не можетъ выполнять своихъ обязанностей безъ принятія его вѣрительныхъ грамотъ президентомъ Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ, выполненіе его обязанностей зависитъ не только отъ назначенія со стороны его государственной власти, но также безусловнымъ условіемъ этого выполненія является согласіе власти государства, въ которое онъ назначенъ. Такъ, въ лицѣ посланника объединяются до нѣкоторой степени элементы государственнаго служащаго иностраннаго государства и государственнаго служащаго страны, на территоріи которой онъ дѣйствуетъ. Характеръ дѣятельности посланника, состоящій въ разрѣшеніи ряда вопросовъ, касающихся интересовъ обоихъ государствъ еще болѣе подчеркиваетъ правильность такой точки зрѣнія. Практика судовъ, дававшихъ разъясненія о примѣненіи кодекса, нынѣ имѣющаго законную силу на польской территоріи, шла въ томъ же направленіи. Верховный трибуналъ въ Вѣнѣ разъяснилъ по поводу избіенія русскаго пограничника при задержаніи контрабандиста на австрійской территоріи,

что виновный не подлежитъ тому наказанію, какому подлежалъ бы за избіеніе австрійскаго пограничника, только потому, что со стороны русскаго пограничника имѣли мѣсто незаконныя дѣйствія; а въ другомъ, совершенно аналогичномъ, случаѣ тотъ же трибуналъ призналъ, что нѣмецкій таможенный служащій находится подъ той же защитой закона, что и австрійскій таможенный служащій, въ случаѣ совершенія надъ имъ насилія, въ виду того, что между Австріей и Германіей существуетъ конвенція, дающая таможенной стражѣ право дѣйствовать на австрійской территоріи. Является несомнѣннымъ, что разъ цѣлая часть административнаго аппарата можетъ пользоваться на основѣ особыхъ международныхъ соглашеній правами, сравнивающими иностраннаго чиновника съ собственнымъ, то тѣмъ болѣе посланникъ иностранной державы, обладающій на основаніи трактатовъ, постановленій Конституціи и дипломатическихъ обычаевъ особыми полномочіями, дающими ему право дѣйствовать официально на чужой территоріи, долженъ пользоваться той же защитой, что и чиновникъ того государства, въ которомъ посланникъ официально дѣйствуетъ.

Коверда, господа судьи, долженъ понести суровое наказаніе. Даже, несмотря на его молодой возрастъ, очень суровое. Ибо его вина невыразимо тяжка. Его выстрѣлъ убилъ человѣка, убилъ посланника, убилъ иностранца, который жилъ на польской землѣ, вѣря въ свою безопасность.

Рѣчь Посполита, которая вашими устами скоро скажетъ свое слово, должна осудить и сурово наказать этотъ выстрѣлъ, выстрѣлъ неразумный и фатальный, эхо котораго, дай Богъ, чтобы перестало гремѣть послѣ словъ вашего приговора. Слишкомъ тяжко оскорбленъ авторитетъ Рѣчи Посполитой, чтобы она могла быть милостивой. Она сама себѣ

обязана большой строгостью по отношенію къ виновному. Поэтому и вы не можете не быть строгими.

Черезъ нѣсколько минутъ вы, въ вашихъ сосредоточенныхъ мысляхъ и чувствахъ, должны превратиться въ мысль и чувство Рѣчи Посполитой, должны безпокоиться ея безпокойствомъ, возмущаться ея гнѣвомъ и наказать на основѣ ея мудрости. А если вы захотите проявить состраданіе на основѣ того милосердія, которое есть въ Рѣчи Посполитой, то взвѣсьте и помните, что это не вы, а она будетъ проявлять милосердіе.

РѢЧИ ЗАЩИТЫ:

ЗАЩИТНИКЪ МАРІАНЪ НЕДЗѢЛЬСКІЙ.

«Господа судьи! Въ истокахъ человѣческаго существованія кроется возникновеніе той заповѣди, которая заключается въ простыхъ словахъ: не убій! Еще тогда, когда велась обычная будничная борьба за каждое пріобрѣтеніе, когда болѣе сильный перегрызалъ болѣе слабому горло въ борьбѣ за пищу, въ человѣческой душѣ зарождалось пониманіе того, что существованіе и развитіе человѣчества должно быть основано не на убійствѣ, а на уваженіи къ человѣческой жизни. Это неясное, подсознательное чувство въ теченіе тысячелѣтій пустило въ человѣческихъ обществахъ такіе глубокіе корни, что превратилось въ главную и самую важную заповѣдь среди тѣхъ заповѣдей, на которыхъ основано существованіе міра. Почти 2000 лѣтъ прошло съ того момента, когда Великій Учитель придалъ этой заповѣди, уже созрѣвшей въ представленіи лучшихъ современныхъ людей, новое глубокое значеніе и содержаніе, сказавъ: «Люби ближняго, какъ самого себя!» Вся позднѣйшая исторія Европы и міра является только борьбой за воплощеніе этихъ святыхъ заповѣдей въ жизнь. Среди преслѣдованій и битвъ, среди религіозныхъ диспутовъ и ученыхъ споровъ, одна идея росла и крѣпла, идея необходимости дать человѣческой жизни защиту, ибо это является

основнымъ условіемъ всякаго прогресса, безъ котораго невозможно представить себѣ истинную цивилизацію. И вотъ, въ XX столѣтіи казалось, что близокъ моментъ полнаго тріумфа этой святой заповѣди. Сознаніе ея правды сдѣлалось общимъ во всемъ мірѣ и только въ самыхъ глухихъ его уголкахъ, на островахъ среди океана, сохранились слѣды людоѣдства. А у народовъ цивилизованныхъ продолжало существовать лишь понятіе о допустимомъ пролитіи крови въ военныхъ столкновеніяхъ, въ защитѣ правъ и интересовъ отдѣльныхъ народовъ. Но и эти пережитки прошлаго уже колебались подъ могучимъ дуновеніемъ идеи всеобщаго мира, могущаго разъ навсегда вычеркнуть войну изъ числа средствъ къ разрѣшенію человѣческихъ споровъ. И вотъ, въ этотъ историческій моментъ, на востокѣ Европы разверзлись врата адовы и на земной поверхности оказалась кучка лже-пророковъ, провозглашающихъ новые принципы: ошибоченъ путь, по которому до сихъ поръ шло человѣчество, безплодна любовь къ ближнему. Лишены всякаго значенія завоеванія христіанской этики въ человѣческой совѣсти и писанные законы народовъ, убійство и месть являются заповѣдью будущаго, которое слѣдуетъ строить на крови и развалинахъ.

«Мы уничтожаемъ девять десятыхъ человѣчества ради того, чтобы она десятая дожила до побѣды большевизма», — сказалъ первый пророкъ Ленинъ. «Единственной формой побѣды является уничтоженіе противника», — прибавилъ второй пророкъ Троцкій. Третій, Бухаринъ, заявилъ, что только казни и убійства образовываютъ сознаніе коммунистическаго человѣка. Дзержинскій считалъ кровавый терроръ чрезвычаекъ признакомъ народнаго гнѣва, получившаго систематическое оформленіе. Зиновьевъ прославляетъ убійства сотенъ тысячъ людей, называя ихъ славой русской революціи. Диктаторъ

Украины, Лацисъ, цинически выдвигаетъ новый принципъ юстиціи, передъ которымъ содрогнулась бы даже душа полудикаго, примитивнаго человѣка: «Не ищите доказательствъ того, что подсудимый словомъ или дѣломъ выступалъ противъ совѣтской власти. Первымъ вопросомъ должно быть, къ какому классу онъ принадлежитъ. Это должно рѣшить вопросъ о его судьбѣ. Намъ нужно не наказаніе, а уничтоженіе». А существуетъ, кромѣ того, заявленіе одного изъ этихъ лже-пророковъ, которое, какъ молнія, освѣщаетъ самые глубокіе тайники темной души новой религіи и возглашаетъ міру смертный приговоръ всѣмъ достиженіямъ христіанской цивилизаціи. «Долой любовь къ ближнему»! — сказалъ Луначарскій. — «Мы должны научиться ненависти. Мы ненавидимъ христіанъ, даже лучшіе изъ нихъ — наши враги. На знаменахъ пролетаріата должны быть написаны лозунги ненависти и мести!». И изъ всѣхъ этихъ заявленій выпираетъ одно единственное слово — убій, убій, убій!.. Убій старика и ребенка, убій солдата и гражданина, убій пастыря, убій женщину, убій беззащитнаго больного, убій...

Кто нибудь можетъ подумать, что нѣтъ той сатанинской силы, которая могла бы воплотить эти страшные лозунги въ жизнь. Напрасная наивность! Банда кровожадныхъ палачей захватила въ свои руки власть надъ великой русской страной и совершила преступленіе, погрузивъ цѣлый народъ въ море крови и слезъ. Пущена въ ходъ машина уничтоженія, убившая несчетное число людей. По подсчетамъ С. Мельгунова—1.700.000 человѣкъ убито по распоряженію кровавой чрезвычайки. Кто же не понимаетъ того, что когда совершался этотъ кровавый погромъ, ужасъ охватилъ весь русскій народъ, и всѣми возможными путями вырывались изъ предѣловъ страны многочисленные изгнанники,

которые, спасая свои головы отъ меча палачей, потеряли все, что было имъ дорого: потеряли родину, потеряли родную землю, потеряли имущество.

Русскій эмигрантъ! Кто лучше понимаетъ твое несчастье, чѣмъ полякъ, который въ исторіи собственнаго народа въ теченіе стольких лѣтъ самъ былъ изгнанникомъ. Кто лучше понимаетъ твое горе, русскій изгнанникъ, чѣмъ народъ Адама Мицкевича, который сказалъ, что нѣтъ словъ для опредѣленія предѣловъ несчастья изгнанниковъ...

А нужно помнить, что трагедія русской эмиграціи, быть можетъ, больше трагедій другихъ эмиграцій, когда либо существовавшихъ. Ибо тѣ, кто овладѣли Россіей, захлопнули немедленно двери родного дома передъ тѣмъ, кто ушелъ въ изгнаніе. И имъ было сказано: нѣтъ у васъ родины во вѣки, никогда не будетъ вамъ позволено вернуться на родную землю! И это запрещеніе проводится въ жизнь по отношенію ко всѣмъ эмигрантамъ: какъ по отношенію къ тѣмъ, кто хотѣлъ бы вернуться на родину для начала новой борьбы, такъ и по отношенію къ тѣмъ, которые жаждутъ начать на родной землѣ новый трудъ, какъ, наконецъ, и по отношенію къ тѣмъ, которые ни о чемъ не думаютъ и ничего не проектируютъ, а только не могутъ больше жить вдали отъ родного края, которые желаютъ вернуться на родную землю только для того, чтобы припасть къ ней лицомъ и оросить ее сердечными слезами.

Неправа, поэтому, та часть польскаго и европейскаго общественнаго мнѣнія, которая осуждаетъ поступокъ Бориса Коверды за то, что онъ совершилъ его на чужой землѣ, вопреки правиламъ гостепріимства. Ибо Коверда разсуждалъ такъ же, какъ разсуждалъ здѣсь г. прокуроръ. Онъ хотѣлъ поставить на карту свою молодую жизнь и свести счеты въ самомъ совѣтскомъ притонѣ. Но ему

было отказано въ паспортѣ. Ему преградилъ путь страхъ комиссаровъ за собственную безопасность, страхъ, всегда характеризовавшій палачей, не заботящихся лишь о чужой жизни и равнодушныхъ къ стонамъ и крикамъ отчаянія. Вотъ почему то, что должно было произойти, произошло не на русской, а на польской гостепріимной землѣ. А истиннымъ виновникомъ этого является не Борисъ Коверда, а совѣтскій строй, который, съ одной стороны, поддерживаетъ ненависть и отчаяніе въ душахъ эмигрантовъ, искусственными мѣрами принуждаетъ ихъ къ жизни на чужбинѣ, а, съ другой стороны, посылаетъ за границу своихъ представителей, выставляя, такимъ образомъ, людей, являющихся живымъ символомъ кровавой большевицкой теоріи и олицетвореніемъ источника несчастій всей эмиграціи. Нужно же сказать себѣ, что вся Европа усѣяна милліонами людей, могущихъ предъявить большевизму ужасные счеты, счеты не на жизнь, а на смерть: одной частью этихъ людей является милліонъ эмигрантовъ, коренныхъ русскихъ, которымъ больше нечего терять, такъ какъ ихъ лишили всѣхъ моральныхъ и матеріальныхъ цѣнностей, за ними слѣдуютъ иностранцы, жившіе и работавшіе въ Россіи, которыхъ также лишили всего: тѣ поляки, французы, нѣмцы, англичане, которые шли въ Россію полные силъ и культуры, знанія, капитала и которыхъ современная Россія изгнала изъ своихъ предѣловъ, оставивъ имъ лишь нищенскій посохъ. Есть, наконецъ, третья категорія людей, ненавидящихъ большевизмъ и совѣтскую власть за то, что они дѣлаютъ здѣсь, на собственной нашей землѣ, поджигая нашъ домъ. Они хотятъ взорвать этотъ домъ, уничтожить бытъ, нашу культуру, нашу государственность, нашу цивилизацію. Что можетъ быть болѣе безспорнаго, чѣмъ права самозащиты, кто можетъ требовать отъ европейца,

чтобы онъ спокойно ждалъ обвала своего дома, кто можетъ удивляться тому, что въ Европѣ растетъ число активныхъ людей, полныхъ молодой энергіи, готовыхъ заставить большевиковъ отозвать изъ Европы свои разрушительныя представительства. Европа усѣяна милліонами людей, видящихъ собственное спасеніе и спасеніе міра въ уничтоженіи большевизма. И вотъ, въ этихъ условіяхъ, по столицамъ Европы проходятъ многочисленные совѣтскіе дипломаты, для которыхъ ихъ правительство требуетъ такихъ условій безопасности, чтобы волосъ не упалъ съ ихъ головы. Оно требуетъ безусловной гарантіи, что жизнь ихъ безусловно будетъ защищена. Оно требуетъ этого во имя европейской культуры, во имя святой заповѣди: не убій! Ахъ, я хотѣлъ бы спросить лидеровъ большевизма: что бы было, если бы Европа на одинъ моментъ послѣдовала бы ихъ призывамъ и захотѣла написать на своихъ знаменахъ слова ненависти и мести? О, какъ коротка была бы тогда жизнь тѣхъ многочисленныхъ совѣтскихъ дипломатовъ, на рукахъ которыхъ до сихъ поръ не высохла кровь ихъ невинныхъ жертвъ!

Но нѣтъ! Европа доказала, что можетъ быть вѣрной своему слову, ибо, какъ вѣрный песъ, стережетъ она безопасность и спокойствіе коммунистическихъ эмиссаровъ, а населеніе ея доказало, что можетъ сдерживать свои страсти, овладѣвать своимъ все болѣе возростающимъ справедливымъ гнѣвомъ, только потому, что въ крови и костяхъ европейца живетъ вѣчная заповѣдь: не убій!

Можетъ ли быть болѣе яркое доказательство этому, чѣмъ то, что за все время большевицкаго кошмара, повисшаго надъ Европой, прозошли только два акта борьбы: одинъ, въ 1923 году — убійство Воровскаго, другой — черезъ четыре года — убійство Войкова. Коммунисты! Будьте хоть разъ спра-

ведливы, скажите: являются ли эти двѣ смерти дѣйствительно такими ужасными по сравненію съ 1-700.000 жертвъ вашей Че-ка, не говоря уже о милліонахъ человѣческихъ существованій, поглощенныхъ гражданской войной, голодомъ, нуждой и болѣзнями? Будьте хоть разъ искренни, скажите: являются ли эти двѣ жизни убитыхъ дѣйствительно столь многимъ по сравненію съ десятками милліоновъ?

Нѣтъ, вся культурная Европа и особенно Польша и вся русская эмиграція оказались непоправимо вѣрными христіанской культурѣ, непоправимо послушными заповѣди : не убій! И, господа судьи, когда мнѣ говорятъ, что торжественные похороны праха Войкова были организованы нашимъ правительствомъ только ради международной вѣжливости и дипломатическаго протокола, я этому не вѣрю. Каждый, кто знаетъ польскую душу, пойметъ и почувствуетъ, что въ мрачномъ біеніи барабановъ и жалобномъ звукѣ трубъ, сопровождавшихъ убитаго, звучалъ плачъ цивилизованнаго человѣка надъ несчастьемъ поразившемъ покойнаго, надъ горемъ его вдовы и дѣтей. Неисправимый цивилизованный человѣкъ низко склонилъ голову передъ величіемъ смерти...

Борисъ Коверда былъ, какъ мы здѣсь слышали, образцовымъ и вѣрующимъ христіаниномъ. Онъ чувствовалъ себя поэтому наслѣдникомъ духовной работы поколѣній и считалъ себя призваннымъ къ активной защитѣ этого наслѣдства. Откуда въ евангельски простой душѣ этого мальчика взялось столько рѣшимости, столько смѣлости, скажемъ даже—столько жестокости, чтобы приговорить живого человѣка къ смерти и собственной рукой исполнить этотъ приговоръ. Вотъ глубокая загадка, которую можетъ объяснить только человѣкъ, близко знающій, на основаніи собственнаго опыта и пережива-

ній, весь ужасъ большевицкаго погрома, человѣкъ, который самъ пережилъ и перечувствовалъ, какой ударъ нанесли человѣческой душѣ эти страшныя переживанія, переходящія всякую мѣру человѣческой выносливости. Инстинктъ убійства, родившійся въ чистой душѣ Коверды, является ни чѣмъ инымъ, какъ брызгой пѣны съ гребня волны, гонимой сѣвернымъ вѣтромъ по безбрежному морю крови, пролитой большевиками.

Кто можетъ отрицать, какое большое значеніе—какъ для опредѣленія степени вины Бориса Коверды, такъ и для оцѣнки его поступка съ точки зрѣнія большой политики—имѣетъ вопросъ: имѣлъ ли Коверда сообщниковъ, другими словами, не является ли его поступокъ выполненіемъ рѣшенія или приговора, направленнаго на организацію террора? Намъ сейчасъ придется рѣшать этотъ вопросъ. Извѣстно, что среди русской эмиграціи существуетъ рядъ группъ и союзовъ всевозможнаго направленія, отъ монархистовъ до соціалистовъ-революціонеровъ включительно. И вотъ, при многолѣтнемъ существованіи этихъ различныхъ организацій, какъ уже было сказано, раздалось только два выстрѣла, направленныхъ въ совѣтскихъ дипломатовъ: выстрѣлъ Конради и выстрѣлъ Коверды. Притомъ Конради былъ швейцарцемъ, и только Коверда — русскій. Со времени одного покушенія до времени другого прошли года. Можно ли говрить о томъ, что такимъ образомъ проявляется террористическая дѣятельность организаціи, можно ли видѣть въ этихъ двухъ самостоятельныхъ и столь различныхъ, хотя бы по личности участниковъ, покушеній, реализацію заранѣе обдуманнаго плана? Конечно, нѣтъ. Террористическая организація, дѣйствующая такимъ темпомъ, не является террористической организаціей, и ни для кого не представляетъ опасности. Есть еще другое доказатель-

ство того, что Борисъ Коверда не дѣйствовалъ отъ имени организаціи. Если бы онъ былъ представителемъ какого либо большого объединенія, то нашлись бы люди, русскіе или иностранцы, которые предоставили бы ему необходимыя средства, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно обдуманное дѣйствіе, которые снабдили бы убійцу какими либо усовершенствованными техническими средствами. Ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не было. Напротивъ, весь капиталъ Бориса Коверды передъ убійствомъ составляли 20 грошей, истраченные имъ на покупку перроннаго билета, а все его оружіе составлялъ старый, изношенный и заржавленный автоматическій револьверъ. Есть еще другое доказательство, вытекающее изъ установленныхъ судебнымъ слѣдствіемъ условій послѣднихъ лѣтъ жизни Бориса Коверды. Правда, онъ жилъ въ Вильнѣ, въ большомъ городѣ, поддерживающемъ связь съ внѣшнимъ міромъ, но это еще ничего не доказываетъ: чтобы пользоваться благами этой связи надо было имѣть ту свободу дѣйствій, которая дается хотя бы минимальной обезпеченностью. Мы видѣли тутъ совершенно ясно, какъ текла жизнь Коверды: болѣе 10 часовъ ежедневнаго усиленнаго труда, подрывавшаго молодыя силы, ничтожный заработокъ, который долженъ былъ удовлетворять потребности почти всей семьи, ни гроша для себя лично, ни одной свободной минуты, ни одной возможности отойти отъ обычнаго сѣраго станка будничной работы. Да, Коверда номинально жилъ въ большомъ, почти столичномъ городѣ, а въ дѣйствительности онъ прозябалъ въ своемъ темномъ углу, отдѣленномъ отъ міра глухими досками. Несмотря на всѣ эти бьющія въ глаза доказательства, не оставляющія мѣста сомнѣніямъ, люди, проникнутые враждебной намъ политической тенденціей, повторяютъ съ упорствомъ ма-

ніаковъ: «А, однако, должна была быть организація! Коверда долженъ былъ имѣть сообщниковъ!»

Ну, что же, я согласенъ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ сообщниковъ, но другихъ, чѣмъ это вы думаете— такихъ сообщниковъ, которые не могли снабдить Коверду ни деньгами, ни оружіемъ по той простой причинѣ, что сообщники Коверды не принадлежатъ къ этому міру. Въ тотъ моментъ, когда Борисъ Коверда сталъ лицомъ къ лицу съ кровавымъ совѣтскимъ сановникомъ, за его плечами стояли, какъ стѣна, 1.700.000 душъ убитыхъ людей: стариковъ и юношей, женщинъ и дѣтей, священниковъ, врачей, сестеръ милосердія... Эти души вложили въ слабую руку Бориса Коверды нечеловѣческую силу и подняли ее для того, чтобы нанести этимъ заржавленнымъ оружіемъ смертельный ударъ тому, кого судьба приговорила къ смерти.

Что ты сдѣлалъ, несчастный мальчикъ? Спокойствіе всей страны нарушено, всюду волненіе и тревога. Гостепріимство братскаго государства нарушено также. Большая страна, лежащая къ востоку отъ нашей границы, потрясаетъ оружіемъ и призываетъ къ кровавой мести. Десятки головъ твоихъ соплеменниковъ падаютъ въ Москвѣ съ плечъ въ отвѣтъ на твой поступокъ. Страшныя послѣдствія, которыхъ еще нельзя учесть, послѣдствія, которыя, казалось бы, должны пасть на твою голову и раздавить тебя своей тяжестью.

Я не знаю, однако, было ли бы это справедливымъ. Не могутъ эти послѣдствія, имѣющія международное значеніе, пасть на Бориса Коверду, ибо они такъ велики, что ихъ нельзя разсматривать, какъ результатъ индивидуальнаго поступка. Самый размѣръ ихъ заставляетъ предполагать, что причины того, что происходитъ послѣ убійства, болѣе широки и глубоки. Большія историческія событія возникаютъ только на основѣ великихъ и глубокихъ

причинъ. И если коснуться анализа этихъ причинъ, нужно сказать прямо, что основаны онѣ на неустранимой коллизіи между всемірной современной христіанской культурой и попыткой большевиковъ вернуть человѣчество на путь варварства. Вотъ почему бременемъ великой исторической отвѣтственности слѣдуетъ отягчить не личность Бориса Коверды, а весь тотъ строй, на совѣсти котораго уже столько катастрофъ и совѣсть котораго еще запятнается не одной катастрофой до тѣхъ поръ, пока не наступитъ побѣда справедливости и правды.

Не слѣдуетъ поэтому бросать тѣхъ великихъ событій, которыя созданы исторіей, на чашу вѣсовъ приговора въ этомъ дѣлѣ. Зато слѣдуетъ бросить на эту чашу, клонящуюся къ милосердію, тѣ другія печальныя послѣдствія, которыя вмѣщаются въ его собственныхъ силахъ: выстрѣлы Коверды привели его самого къ продолжительному тюремному заключенію, выстрѣлы эти сдѣлали то, что самъ Борисъ Коверда, который не могъ видѣть страданій своей семьи, осужденъ самъ смотрѣть на нее сквозь слезы и тюремную рѣшетку. Эти безграничныя страданія, безъ надежды на лучшее будущее, должны быть брошены на чашу милосердія. А если бы и этого было мало, то пусть на эту чашу брошенъ будетъ символъ, который Коверда хотѣлъ защитить, крестъ, на которомъ написана заповѣдь: не убій! А если и этого мало, то бросимъ на чашу вѣсовъ любовь къ родинѣ, которой Коверда посвятилъ свою молодую жизнь. И чаша милосердія должна перевѣсить!».

ЗАЩИТНИКЪ ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВЪ.

Господа судьи, будучи вынужденнымъ говорить въ защиту Бориса Коверды, несмотря на смертельную усталость , вызванную работой цѣлаго дня и страхомъ за подсудимаго, я надѣюсь, что забота о судьбѣ этого бѣднаго мальчика укрѣпитъ мои силы и позволитъ мнѣ достойно выступить въ его защиту. Однако, если неизвѣстная мнѣ и чуждая обстановка, серьезность дѣла и высокій столичный судъ, передъ которымъ я говорю впервые, помѣшаютъ мнѣ украсить мою мысль краснорѣчіемъ, достойнымъ значенія дѣла и васъ, господа судьи,если мысли мои не будутъ воплощены въ подобающую форму, то я убѣжденъ, что высокій судъ за неумѣлой формой моей рѣчи увидитъ искреннее и полное любви къ маленькому Борису Ковердѣ содержаніе.

Но все же, чтобы пренія не были напрасными, чтобы споръ между обвиненіемъ и защитой велся въ одной плоскости, я долженъ отвѣтить на рѣчь г. прокурора однимъ замѣчаніемъ: борьба между Ковердой и Войковымъ не была борьбой между двумя русскими, различно относящимися къ положенію своей Родины. Нѣтъ, Коверда страдалъ несчастіями своей Родины, боролся за нее, а Войковъ былъ представителемъ не Родины Коверды, а ужаснаго, возникшаго на крови и питающагося кровью госу-

дарственнаго новообразованія, которое даже на своихъ знаменахъ уничтожило имя Россіи.

Родина не состоитъ изъ одной территоріи и населенія. Родина является комплексомъ традицій, вѣрованій, стремленій, святынь, культурныхъ достиженій и исторической общности, основанной на человѣческомъ матеріалѣ и на землѣ, имъ населенной. Родина — это исторія, въ которой развивается нація. А развѣ СССР можетъ создать націю, можетъ создать народъ? Нѣтъ. И не во имя различно понимаемаго блага Родины боролся Борисъ Коверда, а противъ злѣйшихъ враговъ своей Родины выступилъ этотъ бѣдный одинокій мальчикъ.

И, можетъ быть, онъ здѣсь, изъ всѣхъ защитниковъ, болѣе всего близокъ мнѣ, какъ человѣку, отецъ котораго былъ русскимъ, а мать полькой. Онъ близокъ мнѣ и понятенъ, ибо я не забылъ моего долга передъ Родиной моего отца. Я не забылъ и не забуду языка, на которомъ развивали мою душу и впитывали въ нее понятія права, справедливости, любви и чести. Не могъ этого забыть и Борисъ Коверда, какъ не могъ онъ не видѣть всего ада нужды, отчаянія и униженія, въ который брошена его Родина тѣми, кто самое имя «Россія» тщится вычеркнуть изъ словаря исторіи.

Не могла этого вынести душа чистаго мальчика, въ ней родился бунтъ и Борисъ Коверда выступилъ противъ страшной силы, но не во имя гордыни, не во имя самозваннаго измѣненія бѣга исторіи, какъ думаетъ это г. прокуроръ.

Гордыня? Господа судьи, развѣ въ этомъ мальчикѣ, сидящемъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, можно замѣтить хотя бы тѣнь гордыни, этого смертнаго грѣха? Развѣ вы не поняли, господа судьи, что Борисъ Коверда является мальчикомъ съ чистой, кристальной душой и голубинымъ сердцемъ, мальчикомъ, способнымъ къ жертвамъ, мальчикомъ, кото-

раго на страшный поступокъ убійства толкнула не гордыня, а любовь къ своимъ единоплеменникамъ, угнетаемымъ, унижаемымъ и убиваемымъ третьимъ интернаціоналомъ.

Я сказалъ, что въ душѣ Бориса Коверды родился протестъ. Но какъ это произошло? Какимъ образомъ этотъ мальчикъ съ голубинымъ сердцемъ, мальчикъ вѣрующій, мальчикъ, для котораго религія не была только обрядомъ, но существомъ души, неожиданно превратился въ мстителя и вопреки догматамъ своей вѣры нарушилъ Божью заповѣдь: не убій.

Это не произошло неожиданно. Ненависть постепенно развивалась въ душѣ мальчика и постепенно достигла такихъ размѣровъ, что взрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ. И если бы онъ не направился противъ Войкова, то направился бы противъ самого Бориса Коверды. Если мы начнемъ разсматривать отдѣльныя событія въ жизни Бориса Коверды, о которыхъ онъ намъ самъ говорилъ, то мы не найдемъ среди нихъ такого, которое непосредственно вложило бы ему въ руку револьверъ. Но такимъ образомъ нельзя относиться къ вопросу, ибо, раздѣляя отдѣльные факты, складывающіеся для созданья опредѣленной психологіи, мы всегда сможемъ создать рядъ мелкихъ, пустыхъ и смѣшныхъ вещей. Личныя переживанія въ жизни Коверды — песчинки, но вмѣстѣ взятыя и связанныя съ тѣмъ, о чемъ Коверда слышалъ и читалъ, онѣ создаютъ скалу, которая раздавила вѣрующую душу мальчика и толкнула его на отчаянный поступокъ.

Въ дѣтствѣ онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ рушился весь общественный порядокъ, въ которомъ онъ жилъ, какъ его ученическая шапка, гордость его 9-ти лѣтняго сердца, сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ, предметомъ, могущимъ создать опасность. Онъ узналъ о томъ, что нѣкоторыя улицы, по кото-

рымъ онъ обычно ходилъ въ школу, сдѣлались опасными даже для такихъ маленькихъ дѣтей, какъ онъ. Онъ узналъ, что такое голодъ, онъ узналъ, что можно безнаказанно угнетать и убивать людей, видѣлъ, что это дѣлаютъ тѣ, кто сдѣлался хозяевами его Родины, что это дѣлаютъ большевики.

Видѣлъ ли Борисъ Коверда тамъ, заграницей, явленія, укрѣпляющія сердце и умъ? Нѣтъ. Постепенно развивалось сознаніе ребенка, постепенно расширялся кругъ его наблюденій и со всѣхъ сторонъ онъ видѣлъ только ужасъ.

Не буду говорить о томъ, свидѣтелемъ чего онъ былъ въ Совдепіи. Это уже сказалъ мой созащитникъ Недзѣльскій. Но то, что онъ видѣлъ, родило въ его душѣ возмущеніе, отвращеніе и презрѣніе, граничащее съ помраченіемъ разсудка. Подъ впечатлѣніемъ тѣхъ ужасовъ, которые нынѣ совершаются въ Россіи, развивалась душа бѣднаго мальчика, который, несмотря на всѣ искушенія, остался, согласно свидѣтельству его духовника, учителей и родителей, чистымъ, вѣрующимъ и любящимъ ребенкомъ. Ни разу не отошелъ онъ въ сторону отъ разъ избраннаго пути и когда его товарищи по бѣлорусской гимназіи пытались втянуть его въ коммунистическую работу, которая велась подъ видомъ работы культурной, онъ почувствовалъ, по собственнымъ словамъ, что червонцы, на которые ведется эта работа, выкованы изъ церковныхъ цѣнностей, бросилъ бѣлорусскую гимназію и поступилъ въ гимназію русскую, гдѣ его окружила атмосфера еще болѣе благопріятствовавшая укрѣпленію ненависти къ людямъ, превратившимъ его прекрасную Родину въ страну ужасовъ и садъ пытокъ.

Трудъ, которымъ онъ былъ занятъ, давалъ ему возможность знакомиться изъ газетъ, что творится заграницей, и сравненіе офиціальной лжи большевицкихъ газетъ съ правдой, которую сообща-

ли всѣ доступныя ему газеты міра, постепенно вливавшія въ его наболѣвшую и отравленную душу ядъ ненависти, создало невыносимое состояніе. Такъ дальше жить было невозможно, нужно было что то предпринять, иначе помраченіе начинало угрожать душѣ человѣка.

Вокругъ себя онъ видѣлъ апатію, трусость, лѣнь. Тамъ, заграницей, — ужасъ и смерть. Выбора не было. Коверда началъ дѣлать попытки попасть нелегально заграницу, чтобы тамъ бороться за своихъ братьевъ, но это ему не удалось. Онъ пріѣхалъ въ Варшаву, но и тутъ его встрѣтила неудача —визы онъ не получилъ. Если нельзя бороться тамъ, нужно бороться здѣсь.

А жизнь не останавливается, психическое настроеніе ростетъ и усиливается и, наконецъ, въ руки Коверды попадаетъ самый страшный изъ обвинительныхъ актовъ, предъявленныхъ большевикамъ: книга М. П. Арцыбашева «Записки Писателя». Это былъ фитиль, вызвавшій взрывъ.

На польской землѣ, на своей второй родинѣ, бѣдный мальчикъ совершилъ поступокъ, о которомъ жалѣетъ изъ-за нанесенныхъ Польшѣ непріятностей, опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ себѣ самый суровый размѣръ наказанія, ибо мы знаемъ, что Борисъ Коверда былъ юношей вѣрующимъ и готовымъ на самопожертвованіе ради ближнихъ. Мальчикъ, который не колебался для блага семьи посвятить личную карьеру и бросилъ школу, для общаго блага не поколебался поставить на карту собственную жизнь.

Коверда убилъ Войкова, но является ли это основаніемъ для преданія его чрезвычайному суду? Я рѣшительно говорю: нѣтъ.

Законъ о чрезвычайныхъ судахъ, законъ, предназначенный ко внутреннему примѣненію, законъ исключительный вообще — не допускаетъ распространительнаго толкованія и требуетъ точнаго при-

мѣненія. Цитируя этотъ законъ, г. прокуроръ слишкомъ рано прервалъ цитату, ибо законъ этотъ охраняетъ офиціальное лицо не всегда и не во всѣхъ случаяхъ. Только въ томъ случаѣ, когда убійство офиціальнаго лица было совершенно во время, либо по поводу исполненія имъ служебныхъ обязанностей — убійцѣ угрожаетъ чрезвычайный судъ.

А кого убилъ Коверда? Войкова ли, посланника при Рѣчи Посполитой Польской, или Войкова, члена коминтерна? А вѣдь такимъ двуликимъ Янусомъ былъ убитый Войковъ. Мы находимъ отвѣтъ въ словахъ Ковердy: «Я убилъ Войкова не какъ посланника и не за его дѣйствія въ качествѣ посланника въ Польшѣ—я убилъ его, какъ члена коминтерна и за Россію». Именно за все то, что Войковъ и его товарищи по коминтерну сдѣлали съ Россіей, убилъ его Борисъ Коверда. При чемъ же тутъ убійство офиціальнаго лица по поводу или во время исполненія имъ его служебныхъ обязанностей?

О, если бы въ моихъ рукахъ , господа судьи, были бы улики дѣятельности Войкова въ Польшѣ, въ качествѣ члена коминтерна, не было бы рѣчи о судѣ вообще, а о чрезвычайномъ судѣ въ особенности.

Господа судьи, завтра праздникъ Божьяго Тѣла, праздникъ Пречистой Крови, пролитой за грѣхи міра, праздникъ Величайшей Жертвы и Любви. Я не хочу, не могу вѣрить и не повѣрю, чтобы польскій судъ, судъ народа, который столько собственной крови пролилъ за свою и чужую свободу, захотѣлъ пролить эту жертвенную кровь ребенка и погрузить жизнь этого мальчика во мракъ небытія.

ЗАЩИТНИКЪ
МЕЧИСЛАВЪ ЭТТИНГЕРЪ.

Господа судьи! Мы раздѣлили защиту—и моей задачей является представить вамъ нашъ взглядъ на вопросъ о подсудности вамъ этого дѣла. Позволяетъ ли законъ Рѣчи Посполитой судить сегодня Коверду и опредѣлить размѣръ наказанія на основаніи немилосердно строгихъ правилъ о чрезвычайныхъ судахъ? Можно ли лишать его гарантій, которыя даетъ подсудимому обычное судопроизводство, лишать его оцѣнки его вины на основаніи нормальнаго закона? Защита глубоко убѣждена въ томъ, что преданіе Коверды чрезвычайному суду противорѣчитъ закону. Мы требуемъ, чтобы вы исправили эту ошибку обвиненія, передали дѣло на разсмотрѣніе въ порядкѣ обычнаго судопроизводства.

Обвиненіе полагаетъ — господинъ прокуроръ только что въ своей рѣчи это высказалъ и убѣждалъ судъ въ правильности своихъ выводовъ — что покойный посланникъ Войковъ, въ качествѣ представителя совѣтской власти при правительствѣ Рѣчи Посполитой, пользовался въ нашемъ государствѣ опекой и защитой закона, которыми Рѣчь Посполита ограждаетъ собственныхъ представителей. Я полагаю, что съ легкостью смогу убѣдить васъ въ томъ, какъ далекъ этотъ взглядъ обвиненія отъ юридической дѣйствительности и насколько онъ необоснованъ.

Въ Польскомъ государствѣ законъ ограждаетъ иностранца наравнѣ съ польскимъ гражданиномъ. За нарушеніе интересовъ иностранца грозитъ не меньшая отвѣтственность, чѣмъ за покушеніе на права польскаго гражданина. Но сверхъ мѣры, которую мы признали достаточной для огражденія всѣхъ собственныхъ гражданъ, наше законодательство не ограждаетъ иностранца, хотя бы онъ въ своей странѣ по государственнымъ соображеніямъ пользовался особой усиленной защитой закона.

Каждое государство заботится прежде всего объ упорядоченіи собственной жизни, о своемъ строѣ, о своей власти и авторитетѣ, о своихъ нуждахъ и интересахъ. Мы очень далеки отъ международной солидарности, доходящей до отсутствія въ законодательствѣ различія между собственными и чужими интересами. Каждое законодательство служитъ собственному государству. Если оно ограждаетъ офиціальныхъ лицъ или чиновниковъ, грозя суровыми наказаніями за направленныя противъ нихъ преступленія, то оно дѣлаетъ это несомнѣнно не во имя абстрактной идеи власти и не ради чужихъ государствъ, а ради гарантіи безопасности и уваженія къ представителямъ и органамъ своей власти. Одинаковое отношеніе законодателя къ иностраннымъ офиціальнымъ лицамъ наравнѣ съ собственными было бы необъяснимымъ, находилось бы въ несомнѣнномъ и очевидномъ противорѣчіи съ общей тенденціей—и потому, когда законъ говоритъ о чиновникахъ или офиціальныхъ лицахъ, мы не можемъ предполагать, что законодатель одинаково имѣетъ въ видукакъ собственныхъ, такъ и иностранныхъ офиціальныхъ лицъ, безъ различія. Позиція нашего законодательства въ этомъ вопросѣ, совершенно очевидно, не должна возбуждать никакихъ сомнѣній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствующій у насъ уголовный кодексъ желаетъ обезпечить иностранному

официальному лицу усиленную охрану, онъ дѣлаетъ это въ особомъ постановленіи. Кромѣ указаній на отвѣтственность за покушенія на главъ иностранныхъ государствъ, мы находимъ въ кодексѣ особыя постановленія, охраняющія честь и неприкосновенность иностранныхъ дипломатическихъ представителей — въ ст. ст. 478 и 535. Ничего кромѣ этого законъ о преступленіяхъ противъ дипломатическихъ и иныхъ иностранныхъ официальныхъ лицъ не говоритъ. По скольку въ кодексѣ существуютъ особыя постановленія объ оскорбленіи и нарушеніи личной неприкосновенности дипломатическихъ представителей, изъ этого вытекаетъ, что, въ виду отсутствія соотвѣтствующаго постановленія, покушеніе на жизнь иностраннаго дипломатическаго представителя должно подлежать общимъ постановленіямъ объ отвѣтственности за убійство. Иначе невозможно понимать молчаніе закона.

Впрочемъ, даже тогда, когда кодексъ исключительнымъ образомъ ограждаетъ иностранное официальное лицо, онъ не уравниваетъ его съ официальными лицами Рѣчи Посполитой и совершенно явно отмѣчаетъ разницу. Оскорбленіе нашего войта, не особенно высокаго сановника въ нашей чиновничьей іерархіи, карается по закону значительно болѣе тяжко, чѣмъ оскорбленіе представителя верховной власти иностраннаго государства.

Духъ закона совершенно ясенъ: кромѣ ст. ст. 478 и 535, кромѣ оскорбленія и насилія надъ личностью дипломатическаго представителя,всѣ остальныя преступленія противъ иностранныхъ официальныхъ лицъ разсматриваются въ кодексѣ, какъ преступленія противъ обычныхъ лицъ, безотносительно къ положенію потерпѣвшихъ. Таковы же были постановленія б. русскаго законодательства. Извѣстный русскій криминалистъ, знаменитый Таганцевъ, рѣшительнымъ образомъ выводилъ изъ

этого законодательства мысль о томъ, что убійство иностраннаго посла создаетъ отвѣтственность, равную отвѣтственности за обыкновенное убійство. Когда позже въ Россіи создавался уголовный кодексъ, недавно временно принятый нами, кодексъ 1903 года, поднята была, правда, мысль о томъ, не слѣдуетъ ли выдѣлить въ законѣ убійство иностраннаго дипломатическаго представителя. Составители проекта единогласно отвергли эту мысль. Какъ сказано въ докладной запискѣ редакціонной комиссіи, по существу составляющей наилучшее толкованіе къ нашему современному кодексу, они считали, что нѣтъ причинъ считать убійство посла убійствомъ квалифицированнымъ, влекущимъ повышенное наказаніе и что совершенно достаточна отвѣтственность на основаніи общаго постановленія объ убійствѣ, содержащагося въ ст. 384 проекта, соотвѣтствующей нынѣшней статьѣ 453. Такъ понимали кодексъ самые видные представители русской юридической мысли. Но обвиненіе ссылается на распоряженіе о введеніи чрезвычайныхъ судовъ, вводящее чрезвычайное судопроизводство въ дѣлахъ объ убійствѣ «офиціальныхъ лицъ»...

Иностранный дипломатическій представитель, аккредитованный при правительствѣ Рѣчи Посполитой, не является, правда, чиновникомъ или офиціальнымъ лицомъ на основаніи кодекса, но является таковымъ, по мнѣнію обвиненія, на основаніи распоряженія о чрезвычайныхъ судахъ. Я позволю себѣ заявить, что такой методъ толкованія является для меня совершенно непонятнымъ и произвольнымъ. Толкованіе не можетъ находиться въ зависимости отъ даннаго постановленія, оно должно быть единообразнымъ для всего законодательства. Такъ же, какъ понятіе офиціальнаго лица, несмотря на отсутствіе особыхъ указаній въ законѣ, включаетъ въ себя исключительно дѣйствующихъ отъ имени нашей вла-

сти представителей Рѣчи Посполитой, такъ же понятіе офиціальнаго лица въ нашемъ законодательствѣ можетъ включать лишь польскихъ офиціальныхъ лицъ. Я повторяю: въ толкованіи закона обязательна послѣдовательность.

Если мы расширимъ понятіе офиціальнаго лица, то будемъ во имя элементарной логики обязаны признать, что наши законы, говоря о чиновникѣ, имѣютъ въ виду каждаго чиновника, говоря о государствѣ — каждое государство, не только Рѣчь Посполитую. Нашъ законъ, наши суды защищали бы въ такомъ случаѣ такъ же и авторитетъ иностранной власти, иностраннаго политическаго и общественнаго строя, защищали бы одновременно противорѣчивые и враждующіе между собою принципы и доктрины. Такъ, напримѣръ, пропаганда, направленная на сверженіе коммунистическаго строя въ Россіи, превратилась бы у насъ въ преступное дѣяніе, предусмотрѣнное ст. 129 Уг. Код., ибо коммунистическая Россія является государствомъ, а ст. 129 говоритъ вообще о «существующемъ въ государствѣ общественномъ строѣ». Репатріантъ, на основаніи ст. 9 Уг. Код., былъ бы въ Польшѣ отвѣтственнымъ за контръ-революціонную дѣятельность на русской территоріи. Я привожу наиболѣе яркіе, нологически вытекающіе изъ предпосылки, примѣры. Я могъ бы повторять ихъ до безконечности.

Офиціальнымъ лицомъ для нашего законодательства, для нашего суда является исключительно офиціальное лицо, состоящее на службѣ Рѣчи Посполитой, въ широкомъ значеніи офиціальной службы, какъ ее понимаетъ наше законодательство. Имъ является государственный служащій и служащій органовъ самоуправленія, какъ на самомъ высокомъ, такъ и на самомъ низкомъ мѣстѣ, но всегда только служащій нашей власти.

Посланникъ Войковъ не состоялъ на службѣ

Рѣчи Посполитой, не былъ представителемъ польскойвласти—и покушеніе на его жизнь является для насъ только простымъ убійствомъ.

Г. прокуроръ ссылался на аккредитованіе посланника, на офиціальное признаніе дѣятельности Войкова правительствомъ Рѣчи Посполитой. Аккредитованіе сводится къ признанію посланника, какъ представителя чужого государства и, слѣдовательно, какъ иностраннаго офиціальнаго лица, представляющаго свое государство, на основѣ международнаго права, въ отношеніяхъ съ государствомъ, его принимающимъ, и стоящаго внѣ государства, въ которомъ онъ свою миссію выполняетъ.

Съ неменьшей правотой можно было бы сказать, что нормальныя дипломатическія отношенія между двумя государствами являются взаимнымъ признаніемъ государственнаго строя и государственной дѣятельности, а потому логически вызываютъ обязательства взаимной ихъ защиты въ полномъ объемѣ. Составители кодекса 1903 года, несомнѣнно, принимали фактъ акредитованія посла во вниманіе. Несомнѣнно помнили объ аккредитованіи и функціяхъ посла и западные законодатели, создавшіе особыя постановленія о защитѣ чести иностранныхъ дипломатическихъ представителей и обходившіе молчаніемъ вопросъ о защитѣ ихъ жизни. Я не могу предположить, что по какой то странной случайности всѣ до сихъ поръ объ этомъ забывали.

Впрочемъ, въ международныхъ отношеніяхъ слѣдуетъ помнить о принципѣ взаимности. Поэтому обратимся къ законодательству совѣтской республики. Совѣтскій уголовный кодексъ 1922 года, повторяя въ ст. 142 почти дословно ст. 455 дѣйствующаго у насъ кодекса о квалифицированномъ убійствѣ, пропускаетъ, однако, въ ней постановленіе объ убійствѣ офиціальнаго лица. О лишеніи офи-

ціальнаго лица жизни совѣтскій кодексъ говоритъ въ ст. 64, въ раздѣлѣ «О контръ-революціонныхъ преступленіяхъ»: «организація въ контръ-революціонныхъ цѣляхъ террористическихъ актовъ, направленныхъ противъ представителей рабоче-крестьянскихъ организацій, подлежитъ...» Тутъ всякія толкованія излишни. Никто не скажетъ, что постановленіе это ограждаетъ аккредитированнаго въ Москвѣ посланника буржуазнаго государства. Впрочемъ, совѣтское законодательство послѣдовательно подчеркиваетъ, что оно ограждаетъ исключительно строй и власть современной Россіи, что оно служитъ исключительно своему государству. Объ отношеніи совѣтскаго законодательства къ другимъ государствамъ пишетъ официальный комментаторъ кодекса 1922 года, Эстринъ, въ официальномъ органѣ, разсматривая вопросъ объ отвѣтственности гражданъ РСФСР за преступленія, совершенныя внѣ ея предѣловъ: «Совѣтская республика отнюдь не намѣрена ограждать правопорядка какого либо изъ буржуазныхъ государствъ. Не каждый поступокъ, хотя бы заключающій въ себѣ фактическую сторону, предусмотрѣнную кодексомъ, подлежитъ наказанію... Нашъ судъ обязанъ разрѣшить вопросъ, не вызванъ ли данный поступокъ условіями буржуазнаго строя, дѣйствіе которыхъ отпадаетъ или, по крайней мѣрѣ, нейтрализуется въ РСФСР, благодаря чему преступникъ не составляетъ угрозы для правопорядка рабоче-крестьянской Россіи». Кто же отъ насъ можетъ въ этихъ условіяхъ требовать, чтобы мы ограждали въ нашихъ судахъ особой защитой авторитетъ и интересы совѣтской власти? Для насъ, для нашего законодательства, убійство совѣтскаго посланника Войкова является простымъ убійствомъ и высокое званіе Войкова не должно оказать вліянія на размѣръ наказанія, которое будетъ опредѣлено польскимъ судомъ Ковердѣ.

Самъ законодатель, вводя чрезвычайное судопроизводство, рѣшаясь на столь большое, опасное для дѣйствія судебныхъ установленій, отклоненіе отъ нормальныхъ принциповъ, несомнѣнно не предполагалъ, что созданный имъ законъ послужитъ когда либо предлогомъ для повышенія степени наказанія за убійство посла иностраннаго государства.

Вспомнимъ текстъ ст. 2 закона: «Чрезвычайные суды будутъ установлены... въ томъ случаѣ, если преступленія, перечисленныя въ ст. I, будутъ учащаться и превращаться въ угрозу для общественаго порядка и безопасности».

«Будутъ учащаться» — то есть превратятся въ обычное, повседневное явленіе. А когда же существовало у насъ опасеніе, что будутъ учащаться и повторяться покушенія на пословъ хотя бы и враждебныхъ по отношенію къ намъ государствъ? Существуетъ ли такое опасеніе въ настоящій моментъ? Въ то время, когда составлялось постановленіе, заключающее въ себѣ упоминаніе о покушеніяхъ на жизнь официальныхъ лицъ, никто, навѣрно, не думалъ объ огражденіи безопасности иностранныхъ чиновниковъ и никому не приходило въ голову, что постановленіе можетъ быть такъ истолковано, какъ это сдѣлало въ данномъ дѣлѣ обвиненіе. Все говоритъ противъ такого толкованія. Я вѣрю поэтому, что вы примете во вниманіе, господа судьи, нашу просьбу о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе въ порядкѣ обычнаго судопроизводства и потому другихъ вопросовъ разсматривать не будете. Однако, исполняя долгъ защиты, я вынужденъ остановиться въ краткихъ словахъ еще на одномъ.

Въ настоящій моментъ у васъ уже болѣе нѣтъ сомнѣній въ томъ, кого вы судите и какіе мотивы руководили Ковердой при совершеніи покушенія на жизнь совѣтскаго посланника. Вы знаете, что

на скамьѣ подсудимыхъ оказался мальчикъ съ чистой и честной душой, несмотря на совершенное имъ убійство. Мальчикъ этотъ горячо полюбилъ Россію и возненавидѣлъ тѣхъ, кто захватилъ въ ней власть, за причиненное ей горе и несчастья. Онъ стремился къ борьбѣ на русской территоріи за лучшее будущее Россіи. Передъ нимъ закрыли двери родины, хотя никто не зналъ о его намѣреніяхъ. Послѣ этого онъ не смогъ овладѣть съ помощью своей молодой воли своими чувствами и на польской землѣ совершилъ покушеніе на Войкова, который въ этотъ моментъ былъ для него исключительно символомъ ненавистнаго большевизма. Онъ совершилъ покушеніе на человѣческую жизнь. Но не забудемъ о томъ, что тамъ, откуда онъ напряженнымъ слухомъ ловилъ каждое эхо, доносились до него только выстрѣлы и стоны, что онъ постоянно слышалъ и читалъ о неисчислимыхъ кровавыхъ казняхъ! Что же удивительнаго въ томъ, что онъ недооцѣнивалъ человѣческую жизнь?

Намъ знакома психологія кровавополитической борьбы. Мы знаемъ, что массовыя казни не устрашаютъ и не мѣшаютъ дальнѣйшей борьбѣ, что онѣ скорѣе возбуждаютъ и пробуждаютъ стремленіе къ мести, такъ же, какъ на войнѣ возбуждаетъ бойцовъ вѣсть о разстрѣлѣ взятаго въ плѣнъ непріятелемъ товарища.

Можно ли отвергать, что Ковердой руководило чувство, нераздѣльно владѣвшее его мыслями и душей въ тотъ моментъ, когда онъ рѣшилъ убить Войкова и привелъ свое рѣшеніе въ исполненіе? Переводя же этотъ неопровержимый фактъ, для каждаго изъ насъ послѣ нѣсколькихъ часовъ процесса несомнѣнный, на юридическій языкъ, мнѣ принадлежитъ право констатировать, что Коверда задумалъ и выполнилъ свое преступленіе «подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія», говоря словами ко-

декса. Нѣтъ законодательства, которое бы не приказывало принимать во вниманіе этого состоянія души виновника преступленія. Судъ долженъ считаться съ силой человѣческаго чувства. Если бы Коверда не былъ преданъ чрезвычайному суду, ему угрожало бы наказаніе, высшая степень котораго едва доходитъ до самой низкой степени наказанія за обыкновенное убійство.

Проявленіе ненависти было вызвано любовью и страданіемъ. Для Коверды это была только месть за преступленія, совершенныя большевиками надъ его Родиной. Помня обо всемъ этомъ, вы бы не могли, господа судьи, отказать Ковердѣ въ очень значительныхъ смягчающихъ вину обстоятельствахъ. И въ такомъ случаѣ то наказаніе, къ которому вы бы его приговорили, не соотвѣтствовало бы степени его преступленія.

Коверда понесетъ за совершенное имъ въ Польшѣ преступленіе заслуженное наказаніе. Но его не можетъ судить судъ, которому формально это дѣло неподсудно, который связанъ исключительными постановленіями и лишенъ возможности вынести приговоръ на основаніи дѣйствительной степени его виновности.

ЗАЩИТНИКЪ ФРАНЦИСКЪ ПАСХАЛЬСКІЙ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ на швейцарской территоріи рукой Конради былъ убитъ представитель совѣтской Россіи—Воровскій, далекая отъ Россіи, съ Россіей никогда ничѣмъ исторически не связанная, Швейцарія сдѣлалась свидѣтельницей процесса, во время котораго передъ судомъ прошли многочисленные свидѣтели, формулировавшіе обвинительный актъ противъ совѣтскаго строя. Рѣчь моего коллеги, адвоката Обера, превратилась въ великолѣпную застежку, закрывающую кровавую книгу исторіи послѣднихъ лѣтъ Россіи. Слѣдуетъ признать, что сегодняшній процессъ во многомъ напоминаетъ тотъ процессъ, разыгравшійся среди швейцарскихъ горъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отъ этого процесса совершенно отличается. На скамьѣ подсудимыхъ: получеловѣкъ, полуребенокъ.

Были моменты во время показаній Ковердy, когда его уста кривились, какъ бы въ плачѣ, и когда въ нихъ звучала какъ бы дѣтская просьба. Ковердане сумѣлъ нарисовать исторіи своей первой Родины, каковой онъ считаетъ Россію, не сумѣлъ говорить языкомъ взрослаго политическаго дѣятеля, пережившаго и обдумавшаго драму и рѣшившаго обратить своимъ выстрѣломъ вниманіе на трагическій узелъ событій. Коверда до сихъ поръ помнитъ

только мелкія, какъ бы ничего не значущія событія дѣтства своего и изъ этихъ событій дѣлаетъ выводы.

На сегодняшнемъ процессѣ, кромѣ того, не было свидѣтелей, вызвать которыхъ защита могла бы въ другихъ условіяхъ судопроизводства и которые своими показаніями дополнили бы объясненія слишкомъ юнаго посудимаго. Чрезвычайное судопроизводство помѣшало намъ использовать тѣхъ многочисленныхъ, по всей Европѣ разсѣянныхъ, обвинителей, которые взяли бы на себя моральную отвѣтственность за поступокъ Коверды.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мы допросили рядъ свидѣтелей, показанія которыхъ по существу были блѣдными и лишенными красокъ. Нѣсколько болѣе интересныхъ фигуръ, вродѣ отца Коверды, стараго, довоеннаго эсъ-эра, затѣмъ офицера красной арміи, въ концѣ концовъ — савинковскаго дѣятеля, редактора Павлюкевича, одного изъ лидеровъ бѣлорусскаго движенія въ Польшѣ, вотъ и весь политическій матеріалъ, столь убого представленный въ этомъ процессѣ. Остальные свидѣтели несомнѣнно умѣютъ чувствовать, можетъ быть, даже умѣютъ понимать чувства Коверды, но зато не умѣютъ его защищать. А, между тѣмъ, мы всѣ, принимающіе участіе въ этой судебной трагедіи, прекрасно понимаемъ ея значеніе, чувствуемъ, что Коверда не одинокъ, что процессъ этотъ какъ бы сводитъ къ минимуму часть мрачной картины. Но одновременно дѣло Коверды войдетъ въ исторію какъ доказательство того, какъ правительство Польши умѣетъ соблюдать договоры. Когда посланникъ Войковъ былъ убитъ, праху его были оказаны генеральскія почести и онъ подъ охраной польскаго рыцарства былъ доставленъ къ границѣ, гдѣ заканчивается польскій барьеръ западно-европейскихъ понятій о государствѣ и правѣ. Болѣе того, прави-

тельство Пресвѣтлой Рѣчи Посполитой, въ лицѣ прокуратуры, наложило на вашу судейскую совѣсть тяжкую обязанность судить Коверду въ порядкѣ чрезвычайнаго судопроизводства. Представитель СССР былъ огражденъ приравненіемъ его къ понятію официальнаго лица. Это сдѣлало правительство, такъ хорошо понимающее опасность, которую Россія представляетъ для Польши, правительство, которое только въ виду существующей связи между коммунистической партіей и сосѣдней державой вынуждено до сегодняшняго дня сохранять въ уголовномъ кодексѣ статью 102, пережитокъ русскаго царизма, находящійся въ такомъ полномъ противорѣчіи съ великой идеей гражанской свободы, свѣтящей намъ изъ Вавельскаго возрожденія. Но правительство сдѣлало это, ибо оно изъ той же вѣчной сокровищницы народа-духа, народа рыцарскаго великолѣпія, почерпнуло другую заповѣдь и эту заповѣдь диктуетъ своимъ гражданамъ. Въ мечѣ Болеслава, бьющемъ въ ворота Кіева, въ знаменахъ Стефана Баторія, принимающихъ сдачу Полоцка, во всей великой трагедіи Польши, наслѣдникомъ которой является правительство маршала Пилсудскаго, существовалъ и существуетъ рыцарскій принципъ не вести двойной дипломатической игры, и передъ этимъ принципомъ каждый гражданинъ Польши обязанъ покорно склонить чело.

Господа судьи! На основѣ этого принципа, вопреки всѣмъ чисто юридическимъ сомнѣніямъ по настоящему дѣлу возникъ чрезвычайный судъ, который, какъ я сказалъ, сократилъ рамку процесса. Въ силу вещей это сокращеніе должно было вызвать исключеніе изъ процесса всего того, что творится въ Россіи, съ которой подписанъ мирный договоръ. Но, господа судьи, никто не можетъ намъ запретить говорить здѣсь обо всемъ томъ, что Коверда пережилъ и что толкнуло его на убійство.

Итакъ, эти дѣтскія воспоминанія, ничего не значущія, какъ я сказалъ. Несомнѣнно, для насъ, которые видѣли уже столь многое, они имѣли бы второстепенное значеніе, но для него они — основа жизненнаго опыта. Онъ видитъ эти воспоминанія въ крови сквозь алмазы своихъ собственныхъ слезъ. Однажды, съ него сорвали шапку, когда онъ шелъ въ школу, якобы за то, что онъ былъ маленькій «буржуйчикъ», а для Коверды это была не фуражка, это былъ символъ его положенія въ жизни.

Коверда любилъ «батюшку». Этотъ «батюшка», вѣроятно, не былъ героемъ, но Коверда вѣритъ въ Бога, въ православіе, къ своей вѣрѣ глубоко, по дѣтски, привязанъ—и вотъ«батюшку»раздѣваютъ до нага, ведутъ къ замерзшей рѣкѣ, производятъ тамъ надъ нимъ «ледяное крещеніе», и «батюшка» больше не возвращается домой. Несомнѣнно, такихъ «батюшекъ» въ Россіи было много. Несомнѣнно, бѣлокаменная столица царей, украшенная тысячью церквей, могла бы разсказать Ковердѣ и другія исторіи. Но для дѣтской души, которая впервые смотритъ на міръ, иногда достаточна одна такая картинка, такъ, какъ достаточно было одной такой картинки для Коверды.

Коверда вернулся въ Польшу, во вторую названную Родину. Жизнь заставила работать. Мальчикъ оказался экспедиторомъ бѣлорусской газеты, окрашенной въ коммунистическій цвѣтъ. Онъ получилъ возможность наблюдать своихъ товарищей, упоенныхъ коммунистической идеологіей, сторонниковъ совѣтской Россіи. Онъ началъ читать совѣтскія газеты. И вотъ—въ немъ началъ зарождаться протестъ. Именно въ этотъ моментъ исторія «батюшки» воскресла въ немъ, какъ живая. Публикуемые въ газетахъ приговоры по дѣламъ контръ-революціонеровъ въ совѣтской Россіи все болѣе пробуждали эти воспоминанія. И, наконецъ, мальчикъ почувство-

валъ, не разумомъ, а силой дѣтскаго чувства, что онъ — врагъ своихъ недавнихъ друзей. Онъ перешелъ изъ бѣлорусской гимназіи, съ которой не имѣлъ ничего общаго, въ русскую. Почувствовалъ себя русскимъ и противникомъ большевиковъ. Въ дальнѣйшемъ онъ принялся за изученіе русскихъ заграничныхъ и совѣтскихъ газетъ, вчитывался въ номера «Борьбы за Россію», дозрѣвалъ. Каждый, отмѣченный въ русскихъ газетахъ, актъ террора является для него крикомъ, выхваченномъ изъ русской дѣйствительности, крикомъ убиваемаго, призывомъ къ мести. Онъ болѣе не въ состояніи понимать строя, онъ не вѣритъ въ то, что счастье мірового пролетаріата требуетъ кровопролитія, онъ не видитъ цѣлесообразности убійства, но ужасъ убійства постепенно наполняетъ его желаніемъ воскликнуть: «Довольно».

Я не хочу говорить о русской дѣйствительности, но долженъ зато подчеркнуть переживанія, родившія выстрѣлъ, отъ котораго на главномъ вокзалѣ палъ его превосходительство господинъ посланникъ Войковъ. Мнѣ кажется, что даже тѣ, кто истолковали эволюціонный манифестъ Маркса и Энгельса, широко введя въ свою доктрину укрѣпленіе диктатуры пролетаріата при помощи террора, не имѣютъ права удивляться, болѣе того, должны были бы понять психику мальчика, который повѣрилъ въ диктатуру русскаго народа такъ, какъ они — въ диктатуру пролетаріата. Во имя этой диктатуры, соединенной въ его представленіи съ церковными пѣснопѣніями и звономъ московскихъ колоколовъ, онъ примѣнилъ тотъ же методъ, что и они.

Жажда мести растетъ, растетъ. Мальчикъ перестаетъ учиться. Онъ бросаетъ работу, которая обезпечиваетъ пропитаніе не только ему, но и любимой матери. Товарищи готовятся къ экзаменамъ. Молчаливый, замкнутый Коверда проговаривается: «Я

также, навѣрно, буду держать экзаменъ». Больше онъ ничего не поясняетъ. И только, вѣроятно, губы его дрожали такъ, какъ онѣ дрожали въ судѣ, когда онъ, руководимый глубокимъ юношескимъ чувствомъ, просилъ Польшу простить его за то, что онъ «причинилъ ей столько непріятностей». Удивительное въ этомъ ребенкѣ соединеніе чего то взрослаго и чего то совершенно дѣтскаго.

Коверда пріѣхалъ въ Варшаву и тутъ въ его руки попала книга, удивительная книга, такъ неслыханно близкая полякамъ, несмотря на всѣ различія въ исторіи Польши и Россіи. Во время процесса спрашивали, были ли у Ковердy сообщники. Г. прокуроръ снялъ съ защиты обязанность доказывать, что этихъ сообщниковъ не было. Я боюсь, однако, что сообщниковъ надо искать далеко, въ могилахъ, разсѣянныхъ по безграничнымъ русскимъ просторамъ, въ рѣкахъ, розовѣющихъ отъ крови, среди тѣхъ, кто погибъ отъ голода, отъ тифа, отъ пролетарской диктатуры, среди всѣхъ тѣхъ, кто перечисленъ въ этой именно книгѣ Арцыбашева. Я убѣжденъ, что если бы этотъ великій русскій писатель, имя котораго какъ молнія прошло по Европѣ, былъ живъ, ребенокъ Коверда не былъ бы на скамьѣ подсудимыхъ одинъ. Арцыбашевъ бы этого не позволилъ. Ибо, если необходимо было послѣднее напряженіе воли, если необходима была книга, замыкающая циклъ размышленій Ковердy, то этой книгой сдѣлалась несомнѣнно книга Арцыбашева, такъ напоминающая «Книги Изгнанія» Мицкевича. Въ этой книгѣ Арцыбашевъ обращается къ швейцарскимъ судьямъ по поводу дѣла Конради со словами: «Помните, что васъ окружаютъ милліоны тѣней, тысячи убитыхъ мужчинъ, насилуемыхъ передъ смертью женщинъ, дѣтей и старцевъ, какъ бы распятыхъ на крестѣ. Всѣ они напрасно молили небо о возмездіи, но никто до сихъ поръ не отвѣтилъ

на эту мольбу». Изъ этого настроенія, столь близко напоминающаго фрагменты изъ импровизацій Мицкевича, родилась идея, которая во имя народа топчетъ нравственность. «Тотъ, кто поднялъ мечъ, пусть гибнетъ отъ меча». «Вы — восклицаетъ Арцыбашевъ—избрали терроръ средствомъ тиранiи. Вашъ терроръ — преступленіе. Терроръ, направленный противъ васъ — справедливое возмездіе». И, въ концѣ концовъ, онъ приходитъ къ той, какъ будто простой истинѣ, которая сопутствовала всѣмъ усиліямъ польскаго оружія: «Родина не дается даромъ». «Мы и только мы имѣемъ право рѣшать судьбу нашей родины». Наконецъ, въ той же книгѣ нашелъ Коверда также и разрѣшеніе вопроса о нарушеніи нейтралитета страны, въ которой русскій эмигрантъ совершаетъ убійство: «Нельзя считаться съ нимъ, такъ какъ слѣдуетъ кричать на весь міръ, что мы—не паріи, а граждане Европы».

Простите, господа судьи, что я позволилъ себѣ эти нѣсколько пространныя цитаты, но цитаты эти — вся защита Коверды. Въ нихъ кристаллизировалась идеологія борющейся эмиграціи, идеологія тѣмъ болѣе краснорѣчивая для души юнаго мальчика, что тотъ, кто ее создавалъ, по примѣру польскихъ поэтовъ, черпалъ ее изъ глубины своего чувства и своей безграничной тоски по Россіи. Недаромъ въ книгѣ Арцыбашева Ковердой подчеркнуты многія его мысли. Другія мысли Коверда сопроводилъ своими дѣтскими примѣчаніями. Книга эта является сообщникомъ преступленія.

Вотъ исторія возникновенія убійства. Зачатая гдѣ то на берегу Волги, обдуманная въ связи съ швейцарскимъ, на землѣ Винкельрида разыгравшимся, процессомъ, совершенная въ городѣ, столько разъ орошенномъ кровью въ защитѣ отъ той самой Россіи, во имя которой сегодня выступаетъ Коверда.

Тайна исторіи, неисповѣдимые пути Провидѣ-

нія заставляютъ Коверду, представителя русскихъ идеаловъ, говорить о двойной родинѣ, заключать въ своей юношеской душѣ Польшу и антибольшевицкую Россію. И если бы взглянуть на этотъ процессъ съисторической точки зрѣнія, можетъ быть, именно это заявленіе Коверды было бы для насъ наиболѣе интереснымъ, ибо я не могу согласиться съ г. прокуроромъ, когда онъ отказываетъ личности въ правѣ прокладывать пути исторіи. Для г. прокурора человѣкъ — это только незначительная крупинка, зернышко песка, гонимое временемъ. О, нѣтъ. Мнѣ кажется, что одинъ примѣръ Коверды, который записалъ свое имя въ исторію, является яркимъ опроверженіемъ такой теоріи. Ибо, если существуетъ идея, которая противопоставляетъ себя всѣмъ теоріямъ той или иной диктатуры, если исторія не является только механическимъ развитіемъ событій и происшествій — въ исторіи этой должно найтись мѣсто для человѣка. Исторія ему это мѣсто уступаетъ, особенно въ Польшѣ, въ Польшѣ мучениковъ и поэтовъ, въ Польшѣ вождя, который создалъ чудеса вооруженной силой, о чемъ мы не имѣемъ права забывать. И поэтому для меня Коверда не является крупицей, а съ нѣсколькихъ дней, несмотря на свою молодость, уже является человѣкомъ.

Г. г. судьи, я уже сказалъ въ началѣ моей рѣчи, что польское правительство возложило на вашу судейскую совѣсть невыносимую тяжесть судить Коверду въ порядкѣ чрезвычайнаго судопроизводства, что оно сдѣлало это желая дать яркое доказательство лояльнаго отношенія Польши къ выполненію договора даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она не можетъ расчитывать на взаимность. Но, г. г. судьи, нѣтъ власти, которая могла бы требовать смерти Коверды. Я позволилъ себѣ сказать, что этой смерти не имѣли бы права требовать даже тѣ, противъ ко-

торыхъ Коверда направилъ свой выстрѣлъ. Онъ перенялъ ихъ методъ дѣйствій — онъ не виноватъ въ томъ, что служитъ другой идеѣ. Его дѣтской головы не можетъ также требовать ни польское общество, ни польскій народъ. Этотъ народъ не забылъ своихъ героевъ. Тѣнь Березовскаго охраняетъ голову Коверды отъ слишкомъ суроваго приговора.

Г. г. судьи, я вѣрю, что вашъ приговоръ, въ которомъ должно заключаться величіе народа, покажетъ міру, что Польша, помятуя свои страданія, умѣетъ понимать чужое горе.

***

Коверда со скамьи подсудимыхъ, подъ охраной двухъ полицейскихъ съ винтовками въ рукахъ, внимательно слушалъ пренія сторонъ. Не менѣе внимательно слушали ихъ судьи, переполнившіе всю прилегающую къ судейскому столу часть зала, представители печати и публики, которая заняла не только всѣ мѣста, для нея предназначенныя, но густой стѣной стояла въ проходахъ. Со свидѣтельской скамьи съ замѣтнымъ волненіемъ прислушивались къ рѣчамъ отецъ, мать и юная сестра Бориса Коверды.

Рѣчь прокурора Рудницкаго произвела на слушателей большое, глубокое впечатлѣніе, и, повидимому, очень непріятно подѣйствовала на Розенгольца. Когда же послѣ прокурора заговорилъ защитникъ Недзѣльскій, Розенгольцъ не выдержалъ и покинулъ залъ.

Всѣ 4 защитника Коверды произнесли свои рѣ-

чи по-своему блестяще. Говорившій первымъ, адвокатъ Недзѣльскій защищалъ Коверду по приглашенію всѣхъ русскихъ общественныхъ учрежденій въ Варшавѣ. Онъ въ политическомъ отношеніи является виднымъ представителемъ польской «національной демократіи». Говорившій вторымъ, защитникъ Андреевъ, виленскій адвокатъ, имѣлъ удовлетвореніе быть единственнымъ русскимъ защитникомъ Коверды и въ свою рѣчь вложилъ свое русское пониманіе трагедіи Россіи и причины выстрѣла Коверды. Третья защитительная рѣчь блестящаго варшавскаго адвоката Эттингера была, быть можетъ, наиболѣе сильной съ юридической точки зрѣнія и произвела большое впечатлѣніе своей аргументаціей противъ подсудности дѣла чрезвычайному суду. Наконецъ, четвертый защитникъ Коверды, извѣстный варшавскій адвокатъ Пасхальскій, въ политическомъ отношеніи близкій къ радикальнымъ кругамъ польскаго общества, испещрилъ свою рѣчь рядомъ историческихъ воспоминаній и намековъ на прошлое Польши, что дѣлаетъ содержаніе его рѣчи, быть можетъ, менѣе понятнымъ для широкаго круга русскихъ читателей, но не уменьшаетъ ея достоинства.

Отъ послѣдняго слова обвиняемый отказался. Послѣ выполненія послѣднихъ формальностей Судъ удалился для постановленія приговора.

РѢШЕНІЕ СУДА

15 іюня 1927 года.

Отъ имени Рѣчи Посполитой Польской,

Окружный Судъ въ Варшавѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго Суда, на судебномъ засѣданіи въ нижеслѣдующемъ составѣ:

Предсѣдатель: вице-предсѣдатель Окружнаго Суда І. Гуминскій, —

Судьи: І. Козаковскій, А. Скавинскій,

Секретарь: М. Маевская,

Прокуроръ Апелляціоннаго Суда Рудницкій, разсмотрѣлъ дѣло Бориса Коверды, обв. по ст. 453 Уг. Код. въ томъ, что онъ 7 іюня 1927 года, въ Варшавѣ на Главномъ вокзалѣ, имѣя намѣреніе лишить жизни посланника СССР въ Польшѣ Петра Войкова, шестикратно выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, смертельно ранилъ его въ область грудной клѣтки, по лѣвой сторонѣ, что вызвало внутреннее кровоизліяніе и смерть Петра Войкова, причемъ преступленіе это совершилъ по поводу исполненія Петромъ Войковымъ его официальныхъ обязанностей въ качествѣ полномочнаго посланника СССР въ Польшѣ, аккредитированнаго при Президентѣ Рѣчи Посполитой.

Фактъ убійства посланника Войкова обвиняемымъ Ковердой былъ установленъ въ судебномъ слѣдствіи сознаніемъ самого Коверды и показанія-

ми свидѣтелей Розенгольца, Ясинскаго и Домбровскаго въ связи съ мнѣніемъ эксперта д-ра Грживо-Домбровскаго о безусловной смертельности раны, нанесенной подсудимымъ, вслѣдствіе чего чрезвычайный судъ призналъ вину Коверды совершенно доказанной.

Болѣе подробной мотивировки требуетъ поднятый защитой вопросъ о подсудности дѣла Коверды суду въ порядкѣ чрезвычайнаго судопроизводства. Зашита подвергала сомнѣнію подсудность дѣла чрезвычайному суду съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) потому, что Войкова, якобы, нельзя считать «офиціальнымъ лицомъ» въ пониманіи п. в. ст. I пост. совѣта министровъ отъ 28 декабря 1926 года (собр. узак. № 128 п. 759); 2) въ виду отсутствія состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 453 Уг. Код., вмѣсто которой, по мнѣнію защиты, слѣдовало бы примѣнить ст. 485 Уг. Код., изъятую изъ компетенціи чрезвычайнаго суда.

Въ отвѣтъ на эти указанія защиты — чрезвычайный судъ устанавливаетъ слѣдующее: включенный въ составъ постановленія совѣта министровъ отъ 28 декабря 1926 рода терминъ «офиціальное лицо» не извѣстенъ ни Уголовному Кодексу 1903 года, ни закону о чрезвычайныхъ судахъ отъ 30 іюня 1919 года. Законъ говоритъ о ст. 453 Уг. Код., безъ ограничительныхъ условій. Въ уголовномъ кодексѣ имѣются термины «чиновникъ» и «должностное лицо». Слово «функціонаріушъ» употреблено въ кодексѣ лишь по отношенію къ желѣзно-дорожнымъ чиновникамъ (ст. 396, 399, 559, 567, 587) и чиновникамъ фабричныхъ, банковскихъ, благотворительныхъ учрежденій, кредитныхъ, земскихъ, городскихъ и т. п. (ст. 543, 575, 578 и 580). Кромѣ того, въ законѣ о государственной полиціи отъ 23 іюля 1919 года находится въ ст. 27 терминъ «функціонаріушъ полиціи» (полицейскій служащій). Изъ со-

поставленія этихъ фактовъ слѣдуетъ сдѣлать тотъ безусловный выводъ, что совѣтъ министровъ своимъ постановленіемъ отъ 28 декабря 1926 года особо оградилъ не только государственныхъ чиновниковъ, но всѣхъ официальныхъ лицъ, т. е. всѣхъ лицъ, кои на территоріи Рѣчи Посполитой Польской несутъ официальныя обязанности. Употребленіе термина «функціонаріушъ публичны», вмѣсто слова «чиновникъ», въ пониманіи ст. 636 ч. 4 Уг. Код., или «государственный служащій», свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ идетъ не только о государственномъ чиновникѣ или служащемъ, но о каждомъ лицѣ, выступающемъ официальнымъ образомъ. Не можетъ быть двухъ мнѣній въ вопросѣ о томъ, что представитель иностраннаго государства, аккредитированный при Президентѣ Рѣчи Посполитой и тѣмъ самымъ допущенный къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей на территоріи Польскаго Государства, является именно такимъ «официальнымъ лицомъ» («функціонаріушъ публичны»), ибо онъ не только выполняетъ свои обязанности отъ имени и въ пользу своего государства, но выполняетъ также на основѣ международнаго права нѣкоторыя функціи и по отношенію къ польскимъ гражданамъ (выдача визъ) и облегчаетъ польскому правительству осуществленіе задачъ, связанныхъ съ политическими, торговыми и иными отношеніями съ иностраннымъ государствомъ, т. е. выполняетъ официальныя обязанности какъ по отношенію къ своему государству, такъ и по отношенію къ Польшѣ. Поскольку убитый Войковъ былъ аккредитированнымъ при г. Президентѣ Рѣчи Посполитой Польской посланникомъ СССР, постольку онъ былъ огражденъ п. в. ст. I пост. сов. мин. отъ 28 декабря 1926 года, а покушеніе на него соотвѣтствуетъ условіямъ этого постановленія въ связи съ ст. 453 Уг. Код. Слѣдуетъ прибавить, что хотя

защита хотѣла видѣть въ жертвѣ покушенія Коверды не посланника СССР, а «представителя коминтерна», судъ ни въ коемъ случаѣ такого воззрѣнія, совершенно искусственнаго и не подтвержденнаго никакимъ доказательствомъ принадлежности Войкова къ коминтерну, раздѣлить не можетъ. Согласно словамъ самого Коверды, сказаннымъ въ присутствіи свид. Домбровскаго, онъ стрѣлялъ «за Россію, за милліоны», т. е. мстилъ Войкову, какъ представителю россійскаго правительства, а не какъ представителю коминтерна, являющагося учрежденіемъ этого правительства для дѣйствія внѣ Россіи. Характеръ представительства Войкова вытекалъ именно изъ его должности посланника. Стрѣляя въ Войкова, Коверда стрѣлялъ въ посланника. Такимъ образомъ, всѣ сомнѣнія о подсудности дѣла объ убійствѣ Войкова чрезвычайному суду слѣдуетъ признать несущественными во всемъ ихъ объемѣ.

Переходя нынѣ къ другому, поднятому защитой, вопросу о наличіи состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 453 Уг. Код., чрезвычайный судъ устанавливаетъ отсутствіе какихъ бы то ни было юридическихъ и фактическихъ основаній для примѣненія ст. 458 Уг. Код. Согласно дословному тексту ст. 458 и законодательныхъ мотивовъ къ ней (Таганцевъ, стр 617) ст. 458 не можетъ быть примѣняема во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда намѣреніе возникло въ состояніи аффекта, но было осуществлено хладнокровно. Для примѣненія ст. 458 Уг. Код. необходимо, чтобы намѣреніе и выполненіе преступленія вытекали изъ одного аффекта. Если на основѣ вышеуказанныхъ тезисовъ разсмотрѣть преступную дѣятельность подсудимаго Коверды, слѣдуетъ придти къ выводу, что поступокъ убійцы, который въ теченіе нѣсколькихъ дней сохранялъ намѣреніе убійства неизвѣстнаго ему человѣка и совершилъ убійство совершенно спокойно, что доказано

сохраненіемъ полнаго спокойствія и послѣ убійства, какъ это удостовѣрилъ свид. Домбровскій, ни въ коемъ случаѣ это преступленіе не можетъ быть разсматриваемо на основаніи ст. 458 Уг. Код. Элементъ аффекта отсутствуетъ какъ при обдумываніи преступленія, такъ и при его совершеніи. Ненависть Коверды къ большевицкой власти не является достаточнымъ основаніемъ для примѣненія ст. 458 Уг. Код. Дѣлая окончательный выводъ, чрезвычайный судъ признаетъ, что Коверда долженъ быть подвергнутъ отвѣтственности по ст. 453 Уг. Код. и притомъ—въ порядкѣ чрезвычайнаго судопроизводства.

Остается послѣдній вопросъ, т. е. вопросъ о размѣрѣ наказанія. Въ этомъ отношеніи судъ полагаетъ, что примѣненіе постановленій ст. 19. ч. I закона о чрезв. судахъ по отношенію къ Ковердѣ совершенно не соотвѣтствовало бы внутренней сторонѣ преступленія и находилось бы въ противорѣчіи съ цѣлью уголовнаго наказанія. Наказаніе должно соотвѣтствовать степени вины съ точки зрѣнія напряженія злой воли и имѣетъ въ виду какъ исправленіе осужденнаго, такъ и защиту общественнаго порядка въ формѣ предупрежденія возможности повторенія преступленія. Смертная казнь находится въ противорѣчіи съ цѣлью исправленія осужденнаго и можетъ быть оправдана только въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо противодѣйствовать эпидемическому характеру преступленія. Будучи совершенно необходимой въ дѣлахъ о бандитизмѣ, смертная казнь является совершенно лишней, когда происходитъ одиночный случай, лишенный примѣровъ въ прошломъ и не вызывающій опасенія въ будущемъ. Не только знаніе польской психики, но и данный конкретный фактъ убійства русскаго русскимъ—является достаточнымъ основаніемъ для категорическаго утвержденія, что общественному по-

рядку въ Польшѣ не угрожаетъ эпидемія убійствъ, вродѣ убійства Войкова. Косвеннымъ образомъ это признаетъ даже представитель СССР—свид. Розенгольцъ, который «не ожидалъ въ Польшѣ покушенія на Войкова». О распространеніи такого рода преступленій въ Польшѣ «особенно опаснымъ для порядка и общественной безопасности образомъ» — какъ гласитъ ст. 2 зак. о чрезв. судахъ — не можетъ быть и рѣчи. Поэтому нѣтъ необходимости примѣненія самого суроваго наказанія. Кромѣ того, примѣненіе это противорѣчило бы высшей справедливости, ибо молодость подсудимаго и его нравственныя достоинства, установленныя свидѣтельскими показаніями, говорятъ въ пользу того, что сохранившій жизнь и вернувшійся по отбытіи наказанія въ лоно общества, Коверда можетъ сдѣлаться его полезнымъ членомъ. Во имя этихъ цѣнностей и во имя благороднаго принципа исправленія преступника, судъ считаетъ для Коверды достаточнымъ наказаніе въ размѣрѣ 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. Это, правда, является максимумомъ наказанія, предусматриваемаго ст. 453 Кг. Код., но, по мнѣнію суда, убійство на польской территоріи, совершенное эмигрантомъ, нарушившимъ долгъ благодарности за право убѣжища и къ тому же по отношенію къ представителю иностраннаго государства, т. е. съ нанесеніемъ большого ущерба моральному престижу Рѣчи Посполитой и ея политическимъ интересамъ— требуетъ примѣненія этого максимума. Такъ какъ, однако, на основаніи постановленія ст. 19 ч. 4 зак. о чрезв. судахъ, вышеуказанныя чрезвычайно важныя смягчающія вину обстоятельства, къ которымъ слѣдуетъ также причислить глубокій патріотизмъ подсуд. Коверды и глубину пониманія имъ страданія его сородичей — даютъ суду возможность приговорить Коверду къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, судъ этотъ приговоръ выноситъ, а для смяг-

ченія наказанія постанавливать использовать принадлежащее ему на основаніи ст. 775 Уст. Уг. Судопр. право.

Исходя изъ указанныхъ мотивовъ, на основаніи ст. 453 и 36 Уг. Код., пар. I постановленія сов. мин. отъ 28 декабря 1926 года, ст. 19 ч. 4 закона о чрезв. судахъ отъ 30 іюня 1919 года и ст. 775 Уст. Уг. Судопр.

единогласно постановилъ:

жителя города Вильны, Бориса Коверду, 19 лѣтъ, сына Софрона и Анны, приговорить къ лишенію правъ на основаніи ст. 25, 28, 30, 34, и 35 Уг. Код., къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ и возмѣщенію судебныхъ издержекъ. Отъ уплаты издержекъ Коверду освободить на основаніи ст. 68 временныхъ правилъ о судебныхъ расходахъ. Изъ числа вещественныхъ доказательствъ револьверъ «Маузеръ» съ патронами конфисковать въ пользу казны, револьверъ «Браунингъ» съ патронами вернуть посольству СССРвъ Варшавѣ, дѣло виленскаго окружнаго суда № К. 289 25 вернуть этому суду, остальныя вещественныя доказательства вернуть приговоренному Ковердѣ. На основаніи ст. 775 Уст. Уг. Судопр. обратиться черезъ г. министра юстиціи къ г. Президенту Рѣчи Посполитой съ ходатайствомъ о замѣнѣ Ковердѣ безсрочныхъ каторжныхъ работъ тѣми же работами на пятнадцатилѣтній срокъ.

Приговоръ суда былъ выслушанъ Ковердой и присутствовашими на процессѣ лицами стоя. Когда оглашавшій приговоръ предсѣдатель суда Гуминскій дошелъ до словъ о безсрочной каторгѣ, вздохъ облегченія прошелъ по залу, а Коверда встрѣтилъ приговоръ съ выраженіемъ радости на

лицѣ. Его отецъ подбѣжалъ къ скамьѣ подсудимыхъ, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ сына, который тотчасъ же, подъ конвоемъ полицейскихъ, былъ отвезенъ въ тюрьму.

***

Приведенный выше текстъ даетъ русскому читателю полное представленіе о томъ, какъ происходилъ въ Варшавѣ судъ надъ Борисомъ Ковердой. Особыя политическія условія помѣшали этому процессу превратиться въ такой судъ надъ коммунистической властью въ Россіи, какимъ былъ въ свое время процессъ Конради. Но значеніе поступка Коверды это не уменьшаетъ. И, быть можетъ, главное значеніе этого поступка не въ самомъ фактѣ обособленнаго и не организованнаго террора, а въ томъ, что въ лицѣ Коверды противъ коммунистической власти возсталъ представитель молодого, только что начинающаго жить поколѣнія русскаго народа.

Напрасно большевики утверждаютъ, что Коверда является «наемникомъ иностранныхъ имперіалистовъ». Девятнадцатилѣтній мальчикъ, сынъ того крестьянства, именемъ котораго коммунистическая партія установила въ Москвѣ свою диктатуру, человѣкъ, не лишившійся во время революціи никакихъ имущественныхъ благъ и этихъ благъ не искавшій, Борисъ Коверда, выступилъ противъ большевиковъ во имя поруганной Родины, во имя той Россіи, которая была и будетъ вновь.

Въ поступкѣ Коверды, въ наличіи смѣлости и патріотизма въ молодомъ русскомъ поколѣніи, приходящемъ на смѣну усталымъ бойцамъ, залогъ ея возрожденія.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

ИЗДАНІЯ „ВОЗРОЖДЕНІЯ“

		Цѣна во франкахъ
Ив. Шмелевъ.	Солнце мертвыхъ	15.—
»	Человѣкъ изъ ресторана	15 —
»	Степное чудо	8.—
Евг. Чириковъ.	Мой романъ	25.—
»	Дѣвичьи слезы	15.—
»	Между небомъ и землей	15.—
В. Новиковъ.	Фашизмъ	8.—
Ген. П. А. Половцовъ.	Дни затменія	15.—
Илья Сургучевъ.	Эмигрантскіе разсказы	15.—
Бор. Суворинъ.	Фазанъ	15 —
А. Яблоновскій.	Дѣти улицы	15.—
В. Гурко.	Царь и Царица	15.—
Бор. Зайцевъ.	Странное путешествіе	15.—
А. Купринъ.	Храбрые бѣглецы	15.—
Вл. Ходасевичъ.	Собраніе стиховъ	15 —
П. Муратовъ.	Магическіе разсказы	15.—
И. Лукашъ.	Дворцовые гренадеры	15.—
В. Корчемный.	Человѣкъ съ гераніемъ	15.—
Н. Рощинъ.	Горнее солнце	15.—
Дѣло Б. Коверды		10.—

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ВОЗРОЖДЕНІЕ“

ÉDITIONS ET LIBRAIRIE

LA RENAISSANCE

(Vozrojdenie)

2, Rue de Sèze, 2—Paris (IX)

Tél. Richelieu 94-98, 94-99.